А. ВОСТОКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
малая серия № 10

А. ВОСТОКОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

*Вступительная статья,
редакция и примечания
Вл. Орлова*

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1936

ВОСТОКОВ

Александр Христофорович Востоков родился 16 марта 1781 г. в городке Аренсбурге (на острове Эзеле, б. Лифляндской губ.). Он был «незаконнорожденным» сыном знатного остзейского дворянина Х. И. Остен-Сакена и в младенчестве еще был отдан на воспитание в Ревель, где рос в бедной, полукрестьянской обстановке.

Когда Востокову исполнилось семь лет, Остен-Сакен, не желая усыновлять мальчика, «придумал» для него фамилию Остенек, которую тот впоследствии сам изменил на «Востоков».

Тогда же Остен-Сакен распорядился отправить Востокова в Петербург на ученье. Востокова снарядили в путь, снабдили «овчинным тулупом и диравыми портками» и дали ему на дорогу рубль медными деньгами.

В марте 1788 г. Востокова привезли в Петербург и поселили у дяди — барона Остен-Сакена, занимавшего во времена Екатерины II пост саксонского посланника при русском дворе. Несмотря на столь резкую перемену обстановки и участие высокопоставленных родственников, никакого поворота в судьбе Востокова не произошло:

он попрежнему оставался «незаконнорожденным» и испытывал все тягости своего двусмысленного положения в окружавшей его среде.

В том же 1788 г. Востоков был определен в Сухопутный кадетский корпус, но не кадетом, а «гимназистом». Гимназистами назывались в корпусе воспитанники недворянского происхождения; готовили их на должности корпусных учителей и освобождали от специально-военных занятий. Учился Востоков в корпусе старательно и много читал (по-немецки). «По французски я еще не знал, — пишет он в воспоминаниях, — а в русский язык только вникал... С 1792 года я читал уже и французскпе книги, а по русски начал кое-что писать, разумсется детское».

Упрочению литературных интересов Востокова много способствовали люди, окружавшие его в корпусе, и самая атмосфера этого учебного заведения, где, по словам одного из современников Востокова, «дух литературный преобладал над всеми науками». Увлечение литературой и театром было в Сухопутном кадетском корпусе устойчивой традицией; из его стен вышел целый ряд выдающихся писателей и драматургов.

Особенно крупную роль в корпусной жизни Востокова сыграл преподаватель русской словесности П. С. Железников. Ему Востоков был обязан не только основа-

тельным знакомством с русской, французской и итальянской литературами, но и первыми шагами на литературном поприще.

В начале 1794 г. Востоков вынужден был оставить кадетский корпус, так как, будучи неизлечимым заикой, оказался совершенно непригодным к должности учителя, на которую его готовили. Высокопоставленные родственники Востокова перевели его в Академию художеств — «по тому суждению, что в этой Академии говорить не нужно».

В Академии художеств Востоков учился до 1802 г., сперва в живописном, а потом в архитектурном классе. Но ни в той, ни в другой области он не оказал сколько-нибудь значительных успехов и окончил курс без академической степени.

В Академии художеств Востоков очутился в совершенно иной обстановке, нежели та, что окружала его в Кадетском корпусе. Из всех русских учебных заведений конца XVIII века Академия художеств была, пожалуй, наиболее демократическим. Учились здесь почти исключительно «разночинцы», самый быт которых резко отличался от кадетского.

Однако, и в Академии художеств образовалась группа учеников, живших литературными интересами. Это были: В. П. Осипов, А. И. Ермолаев, И. А. Иванов, А. Д. Фуфаев, Ф. Ф. Репнин, И. И. Теребенев, С. И. Гальберг. Востоков примкнул к этому кружку и вскоре же стал его центральной

фигурой, — члены кружка сами называли себя «остенекистами». Все они серьезно занимались самообразованием, увлекались молодой русской литературой и в первую очередь Карамзиным. Когда, по воцарении Павла I, в Академии художеств «пошли новые преобразования» и «между учениками завязалась игра в солдаты», Востоков «не участвовал в этой игре», его «забавы были ученые: чтение книг с товарищами». Сохранились свидетельства тому, что в кружке «остенекистов» обсуждались не только литературные, но и политические вопросы («Читаем Вольтера... Негодуем на Павла I» — записал Востоков в дневнике 1799 г.), — при чем обсуждались в таком плане и тоне, что их нужно было засекречивать, и сжигать письма, которыми друзья обменивались. О политических интересах Востокова свидетельствует также то, что в 1798 г. он написал какую-то, не дошедшую до нас, «политическую статью» и беседовал с друзьями о французских событиях того времени.

В Академии художеств Востоков начал усиленно заниматься «сочинительством». — 1798-й год он сам считал началом своей серьезной литературной деятельности; к этому году относятся первые его стихи, которые он счел достойными печати и включил в свои книги.

По окончании Академии (в 1800 г.) Востоков «особенно пристрастился к стихо-

творству». В октябре 1801 г. С. А. Шубников, приятель Востокова по корпусу, ввел его в только что основанное Общество любителей изящного, будущее Вольное общество любителей словесности, наук и художеств, — и «круг познаний» Востокова «распространился от знакомств и обстоятельств».

Востоков был не только самым крупным поэтом Вольного общества, но и «самым постоянным членом и сотрудником его». С ноября 1801 г. он стал исполнять в обществе секретарские обязанности, а в марте 1802 г. формально был избран секретарем. В течение ряда лет он был также бессменным членом «Комитета цензуры», рецензировавшего произведения, «представлявшиеся» в Общество.

В начале 1802 г. Востоков впервые выступил в печати. Учитель и приятель его П. С. Железников издавал в то время литературную хрестоматию «Сокращенная библиотека в пользу господам воспитанникам первого кадетского корпуса», составленную из «избранных мест из лучших авторов», способных служить «образцами штиля и материею для размышления». Здесь, во второй части, рядом с одами Ломоносова и Державина, появились стихи юного и никому еще не известного Востокова («Осеннее утро» и «Парнасс, или гора изящности») — без имени автора, но со следующим лестным примечанием Железникова:

«Произведение молодого поэта. Из сих первых его опытов, кажется, видно, что некогда заслужит он особенное внимание публики. Теперь в тишине и неизвестности беседует он с Музами и питает душу свою высокими мыслями и чувствами поэтов и философов».

Вслед за тем целый ряд стихотворений Востокова появился в изданиях Вольного общества — в «Свитке Муз» (кн. I—II, 1802—1803) и в «Периодическом издании» (ч. I, 1804).

Еще в 1803 г. Востоков собирался издать собрание своих стихотворений, но только два года спустя вышли в свет его «Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах» (ч. I, 1805 и ч. II, 1806), встреченные критикой весьма сочувственно (отзывы в журналах «Любитель словесности» и «Вестник Европы»).

Собственно-литературная деятельность Востокова была недолговременна. Уже в начале 1810-х годов, как поэт, он сходит с литературной арены и обращается к ученым занятиям. После издания «Опытов» он напечатал очень немного новых стихотворений (в сборнике «Талия» 1807 г., в журналах: «Цветник» 1809—1810 гг., «Санкт-петербургский Вестник» 1812 г. и «Сын Отечества» 1812—1814 гг.).

В 1821 г. Востоков вторично издал собрание своих стихотворений, «исправленное и умноженное». К тому времени уже окон-

чательно выпавший из литературы, Востоков, естественно, не мог рассчитывать на особенно шумный успех своего запоздалого выступления. Книга его прошла малозамеченной. Впрочем, в единственном отзыве о ней, появившемся в «Сыне Отечества», писали, что «возвышенность, благородство и сила чувства, истина мыслей, оригинальность выражения составляют отличительное свойство произведений г. Востокова... И то самое, что некоторым читателям кажется слишком необыкновенным и даже диким, свидетельствует о его *собственном*, незаимствованном даре».

После издания «Стихотворений» Востоков окончательно «разлучился с Музой». Выполненные им в 1825—1827 гг. по просьбе А. А. Дельвига переводы сербских народных песен — в счет не идут. Они были скорее результатом его учено-филологических занятий.

Сойдя с литературного поприща, Востоков заслужил громкую известность своими учеными трудами. Его называли «отцом славянской филологии», и действительно — заслуги его в этой области чрезвычайно велики.

Филологией и археологией Востоков начал заниматься еще в ранней молодости (не позже 1802 г.), когда приступил к двум обширным сочинениям: «Коренные и первообразные слова языка славенского» и «Этимологическое словорасписание», а также раз-

рабатывал план «Этимологического словаря».

С 1804 г. Востоков много занимался народной словесностью, задумал составить полное собрание русских народных песен, и обращался по этому поводу за содействием к членам Вольного общества. Занятия эти нашли отражение и в стихотворной практике Востокова, но полностью реализованы были в «Опыте о русском стихосложении», впервые опубликованном в 1812 г. В 1817 г. Востоков переиздал «Опыт», дополнив его «Критическим обозрением стопосложных размеров, употребительных в российском стихотворстве». Книга эта, посвященная в основной своей части исследованию так называемого «народного» русского стиха, впервые вводила в научный оборот понятие особой системы стихосложения, основанной на счете ударений, а не слогов. Являясь первым глубоким теоретическим обоснованием системы русского тонического стихосложения, «Опыт» Востокова не потерял своего значения и до настоящего времени.

Несмотря на крупнейшие заслуги Востокова перед русской филологией, он и в этой области не снискал громкого успеха. Его работы были оценены в полной мере уже после его смерти, а при жизни «отец славянской филологии» испытал немало профессиональных огорчений в обстановке академической рутины. К этому можно прибавить, что и материальное положение

Востокова в течение всей его жизни оставалось очень непрочным.

Востоков был действительным и почетным членом многих русских и иностранных литературных обществ, университетов и академий (в 1841 г. он был избран действительным членом Академии Наук).

Умер Востоков в Петербурге 8 февраля 1864 г., на восемьдесят третьем году жизни.

Востоков-ученый заслонил собою Востокова-поэта. Однако, в сознании современников поэзия Востокова была крупным литературным явлением. В пределах своего кружка — Вольного общества любителей словесности, наук и художеств — Востоков пользовался непререкаемым авторитетом в вопросах литературного мастерства и эстетического вкуса. Опыт его экспериментальной работы над стихом учитывали и высоко ценили представители самых различных поэтических школ и направлений начала XIX в. При этом именно новаторские тенденции Востокова, — а он на рубеже XIX в. был, конечно, одним из наиболее видных реформаторов русского стиха, — вызывали живые отклики в литературной среде.

Так, например, декабрист В. К. Кюхельбекер отводил Востокову почетное место в ряду замечательнейших русских поэтов

«от Ломоносова до Жуковского» и особо подчеркивал его выдающуюся роль в истории борьбы за обновление русского стиха. «Несмотря на усилия Радищева, Нарежного и некоторых других, — писал Кюхельбекер в статье «Взгляд на нынешнее состояние русской словесности» (1817), — в нашей поэзии даже до начала XIX столетия господствовало учение, совершенно основанное на правилах французской литературы. Стихи без рифм не почитались стихами; одни только Лагарпом одобренные образцы имели у нас достоинство; не хотели верить, чтобы у немцев и англичан могли быть хорошие поэты. Тиранство мнения простиралось так далеко, что не смели принимать никакой другой меры, кроме ямбической. — В 1802 году г. Востоков изданием своих «Опытов лирической поэзии»[1] изумил, можно даже сказать привел в смущение публику; в сей книге увидели многие оды Горациевы, переведенные мерою подлинных стихов латинских. Он показал образцы стихов Сафического, Алцейского, Елегического и говорил с восторгом о произведениях германской словесности, дотоле неизвестных или неуважаемых». Далее Кюхельбекер писал, что продолжателями Востокова в этом направлении явились Н. И. Гнедич с его переводом «Илиады», выполненным

[1] Кюхельбекер ошибся: «Опыты лирические» были изданы в 1805—1806 гг.

«героическими стихами древних» и, особенно, В. А. Жуковский, придавший «**германический** дух русскому языку, ближайший к нашему национальному духу, как тот свободному и независимому».

Литераторы карамзинистской ориентации также высоко расценивали стихотворения Востокова. И. И. Дмитриев назвал их «прекрасными», а самого Востокова «истинным поэтом». К. Н. Батюшков в программной речи «О влиянии легкой поэзии на язык» (1816) отмечал «стихотворения Востокова, в которых видно отличное дарование поэта, напитанного чтением древних и германских писателей».

В. А. Жуковский называл Востокова «человеком с истинным стихотворным талантом». «В его стихах виден человек с мыслями, с чувством, с воображением, и исполненный духом древних» — писал Жуковский А. И. Тургеневу.

П. А. Вяземский писал о Востокове; «Он был нередко поэтом мысли и чувства. Если ухо не могло заслушиваться музыкальностью стиха, то стих его часто поражал читателя внутренним достоинством... В поэзии Востокова отзывается немецкое происхождение его. В ней преобладает германская стихия, хотя почти везде выражающая себя правильною русскою речью. Он часто и нередко удачно покорял русскую просодию разнообразным метрам древних языков».

В то же время карамзинисты отмечали в поэзии Востокова пристрастие к «низким словам» (Дмитриев), «нечистоту слога» (Жуковский), «петровскую шероховатость» (А. Тургенев), «устаревший язык» (Плетнев), а архаисты (старшего поколения) осуждали его за пристрастие к «новым фантазиям». При этом те и другие единодушно подчеркивали «немецкое происхождение» стихов Востокова и отличающее их «разнообразие метров».

В свете приведенных высказываний и оценок проясняется историко-литературное значение творчества Востокова, занимавшего в условиях литературной борьбы начала XIX в. особую, промежуточную позицию, не смыкавшегося ни с архаистами, ни с карамзинистами, а выбравшего независимый путь преодоления и изобретения. Проблема Востокова — проблема поэта-одиночки, поэта-экспериментатора, нарушавшего традиции русской поэтической культуры XVIII в.

Собственно - литературная деятельность Востокова целиком связана с Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств, являвшимся в эпоху 1800-х годов (1801—1807), в лице наиболее видных его представителей, своего рода центром буржуазно-демократической оппозиции в русской литературе и публицистике того времени.

Организаторы и руководители Вольного

общества первых лет его существования продолжили в известной мере линию буржуазного радикализма, связанную с именем Радищева. Вслед за автором «Путешествия из Петербурга в Москву» и оды «Вольность» наиболее радикальные и демократические представители этого кружка были поклонниками и знатоками просветительной философии и литературы XVIII в., воодушевлявших передовую французскую буржуазию в эпоху буржуазной революции. В Вольном обществе различима борьба двух социально-политических тенденций — буржуазно-либеральной (проводником которой был И. П. Пнин) и более радикальной, отмеченной чертами «якобинизма» и «тираноборчества» (проводниками которой были В. В. Попугаев и И. М. Борн).

Распространенное представление о Вольном обществе, как своего рода «союзной державе» московской сентиментальной школы Карамзина, выступавшей с нею рука об руку против архаистических принципов, — в корне не верно. Карамзинистские тенденции проступали более или менее отчетливо лишь на периферии группы и не характеризуют ее литературно-эстетических мнений в целом. В полемике по вопросу о «старом» и «новом» слоге поэты Вольного общества занимали промежуточную позицию и вели борьбу «на два фронта» — одновременно и с Шишковым, и с Карамзиным.

В основном борьба поэтов Вольного об-

щества с карамзинистами шла по линии преодоления слащавой чувствительности и эстетизма, отличающих поэтический стиль дворянского сентиментализма, — и повышенного внимания к практической роли художественного слова как средства общественной пропаганды. Стихи Пнина, Борна и Попугаева до некоторой степени предвосхитили политическую, «гражданскую» поэзию декабристов (Рылеева, Кюхельбекера и др.).

Среди поэтов Вольного общества Востоков, быть может, наименее «гражданский». Он вообще занимал в кружке несколько обособленное положение, поскольку там (в 1801—1807 гг.) преобладали интересы не литературные, а социально-политические и философские. Востокову остался чужд мелкобуржуазный «якобинизм» Радищева и прямых его наследников — Попугаева и Борна, равно как и материалистические увлечения Пнина, этого русского гольбаханца XVIII в. Из теории Руссо, бывшего для руководителей Вольного общества, в противоположность карамзинистам, не только «нежным живописцем чувствительности», но прежде всего и больше всего политическим писателем, революционным идеологом, — Востоков также не сделал достаточно четких и окончательных выводов. Объяснение этому следует искать в ориентации Востокова на немецкую культуру.

В противоположность влиянию французскому, немецкое влияние в русской литера-

туре всегда отличалось господством интересов отвлеченных — философских, религиозных и эстетических—над общественно-политическими и экономическими. Процесс общеевропейского буржуазного развития в феодальной Германии конца XVIII — начала XIX вв., в силу особых исторических условий, принимал довольно своеобразные формы. К концу XVIII в. Германия уже вступила отчасти на путь буржуазного развития, но, сравнительно с буржуазией английской и французской, молодая немецкая буржуазия была неизмеримо более слабой и рептильной. Она отказалась от методов агрессивной борьбы за установление буржуазно-демократического строя, как это было во Франции.

В соответствии с этим и немецкая буржуазная литература политически была весьма пассивна. Если во Франции революционная буржуазия чаще всего выступала под знаменем воинствующего материализма или якобинской доктрины Руссо, то социально-политические интересы немецких буржуазных идеологов хотя и питались и, в конечном счете, определялись революционной борьбой французской буржуазии против абсолютистско-феодального порядка, но, как правило, выражались в отвлеченной сфере идеалистической философии, религии, морали и эстетики. По словам Маркса, «так как немецкие экономические отношения находились на низкой ступени развитии, то

немецкий бюргер мог воспринять буржуазную идеологию только в ее абстрактной форме».

Говорить в отношении Востокова о полной атрофии социального чувства было бы несправедливо. Однажды, в «Оде достойным», он возвысился даже до выражения подлинно-якобинской идеи «тираноборства». «Ода достойным», которой откликнулся Востоков на убийство Павла I, — политическое, программное стихотворение, насыщенное «вольной» лексикой, бывшей при Павле под запретом («граждане», «отечество», «общее благо»). И недаром этой оде придавалось в Вольном обществе значение идеологического манифеста: ею открывалась первая книжка альманаха «Свиток Муз» (1802). В «Оде достойным» Востоков выступает как будто прямым идейным наследником тираноборца Радищева, писавшего в своей оде «Вольность» о «мщенном праве природы», возводящем царя на плаху.

Однако конкретное содержание поэзии Востокова в целом не позволяет сделать столь прямолинейный вывод. Влияние немецкой идеалистической философии, в сочетании с условиями русской общественной действительности, наложило неизгладимый отпечаток умеренности на социально-политические мнения Востокова.

В плане выяснения философских воззрений Востокова этот отпечаток умеренности,

половинчатости позволяет говорить о том «примирении материализма с идеализмом», которое Ленин считал основной чертой философии Канта: «Основная черта философии Канта есть примирение материализма с идеализмом, компромисс между тем и другим, сочетание в одной системе разнородных, противоположных философских направлений.[1] Что же касается социально-политических мнений Востокова, то он, безусловно сочувствуя доктринам Руссо и французских просветителей, мирился на компромиссной форме просвещенного абсолютизма. В той же «Оде достойным» Востоков возлагал преувеличенные надежды на «мужество», «благоразумие», «честные правила» и «милосердие» Александра I; также и в оде «Тленность» Востоков рисует в тонах традиционного «поучения» идеал «истинного царя», подчиняющегося «законам».

Чувство социального оптимизма вообще было сильно развито в Востокове. Он часто и охотно писал о грядущем «златом веке Астреи», когда на земле воцарятся человеколюбие и справедливость; увлекался химерическим проектом «вечного мира» и всемирной федерации республик, предложенным французским просветителем аббатом де Сен-Пьером. Прекраснодушная вера в конечное торжество «блага» и «справедливости» характерна для всех стихотворе-

[1] В. И. Ленин. Собр. соч., т. XIII, стр. 162.

ний Востокова, в которых он в той или иной форме касается вопросов социально-политического порядка. Такова, например, его ода «Фантазия», рисующая идиллическую картину будущего, когда «искоренятся все пороки» и люди «познают истинное счастие».

Единственно-верной гарантией достижения «златого века Астреи» было в понимании Востокова «истинное просвещение», «путь здравомыслия и добродетели». Он подробно обосновал эту мысль в «Речи о просвещении человеческого рода», прочитанной в Вольном обществе 15 июля 1802 г. «Не прежде земля осенится вечным миром, не прежде добродетель и правосудие с вольностью и равенством утвердят на ней постоянное свое жилище, пока не получат все народы до единого равную степень просвещения» — говорил Востоков в этой речи.

Глубокий квиетизм, наложивший неизгладимую печать умеренности на социально-политические взгляды Востокова, способствовал постепенному его «поправению». В эпоху наполеоновских войн, когда резко обнаружились национальные противоречия, он из космополита превратился в патриота и шовиниста, и в «пиндрических» одах прославлял «победы российского оружия», а в эпоху двадцатых годов, в условиях аракчеевского режима, накануне восстания 14 декабря 1825 г., — навсегда распро-

стился с «мечтами юности», опровергнутыми «хладным опытом» (см. стихотворение «К друзьям»).

Но и в лучшее свое время Востоков оставался по существу умеренным просветителем-либералом, красноречиво разглагольствующим о «пользе просвещения», возлагающим преувеличенные надежды на «просвещенного монарха» и не пытающимся уяснить конкретное содержание расплывчатых понятий: «человеколюбие» и «справедливость».

Не сохранилось данных, которые с достаточной ясностью свидетельствовали бы о том, как решал Востоков проблему рабства вообще, русского крепостничества в частности. Впрочем, глубокую причину социального зла он находил, повидимому, все же в экономическом неравенстве, но, как всякий умеренный либерал, проектировал устранение этого зла по формуле: сперва просвещение, потом — свобода. В замечаниях о радикальном «Опыте о благоденствии народных обществ» В. В. Попугаева (1805) он писал: «Роскошь и бедность пагубными своими препираниями рождают пороки, развращение и плутовство, деспотизм и рабство. Уврачевание сих зол зависит от уравнения имуществ и от распространенного в людях благонравия, а сии не от чего иного могут проистекать, как от просвещения: следственно, просвещение родит спокойствие и обеспечение».

Но даже умеренная и расплывчатая про-

грамма буржуазного либерализма не получила в литературной практике Востокова законченного выражения. Задачи создания боевой, публицистической по преимуществу, «гражданской» поэзии, выдвигавшиеся в кругу «радищевцев», не стояли перед Востоковым. Он выдвигал на первый план морально-эстетические задачи искусства, в лучшем случае призывал художника «являть добро и зло в разительных контрастах» и «воспламенять к добру душу зрителей» (см. стихотворение «История и баснь»).

Единственный образ, данный Востоковым целиком в духе идей французского просвещения, — это образ человека как лучшего создания природы и как ее повелителя и преобразователя. В ряде стихотворений Востоков прославляет человека и его творческую деятельность (см., например, пятую строфу оды. «Фантазия» и стихотворение «К строителям храма познаний»).

Из сказанного видно, что по своим философским и социально-политическим воззрениям Востоков далеко отстоял от Радищева и его учеников из Вольного общества, представлявших собою левый фланг русской литературы 1800-х годов. Однако, в ином смысле и его можно назвать «радищевцем», только радищевцем совсем особого толка.

Не восприняв в полной мере философских и социально-политических идей автора «Путешествия из Петербурга в Москву», Востоков — пожалуй, единственный из всего состава поэтов Вольного общества (если не считать спорадических опытов Борна и Каменева) — теоретически осмыслил и отчасти даже практически реализовал выдвинутые Радищевым пожелания относительно реформы русского стиха.

Экспериментальные опыты Востокова в области реорганизации русского стиха выражали тенденции разрушения поэтики французского классицизма и системы силлаботонического стихосложения, и шли, в основном, по двум направлениям: во-первых, по линии разработки и усвоения русским стихам античных неравносложных размеров и, во-вторых, по линии возрождения и литературной обработки русской народной поэзии. Эти две, на первый взгляд столь противоположные, тенденции на деле играли одну и ту же роль, поскольку обе сводились к обновлению стиха и лирических жанров, к выработке новых, более свободных, стиховых форм. Подобное же совмещение античной поэтики и русского фольклора встречаем мы в творчестве Дельвига, преемственная связь которого с Востоковым в этом плане — не подлежит сомнению.

Востоков сам указал источники своей работы в этой области. В предисловии

к «Опытам лирическим» он объявил, что «подвергает суду просвещенных критиков новые размеры, взятые, по примеру немцев, с латинского и греческого», и что «намерение его было — испытать их на русском языке».

Востоков имел в виду в данном случае Клопштока и близких ему поэтов. «Гёттингенской» и «Галльской» школ (Фосс, Гёльти, братья Штольберги, Бюргер, Рамлер и др.). Клопшток первым из немецких поэтов начал борьбу с ложноклассицизмом и явился в Германии первым проводником идей Руссо и английских сентиментальных поэтов. Он предпринял коренную реформу немецкого стиха, разрушил основы поэтики классицизма и проложил пути немецким поэтам 1770—1780-х гг., подготовившим, в свою очередь, появление Гёте и Шиллера. Востоков был хорошо знаком с творчеством Клопштока и поэтов его окружения, в то время еще мало известных в России.

Хотя сам Клопшток, следуя своей националистической концепции, неоднократно высказывался против слепого подражания древним, противопоставляя античным формам стиха самостоятельно выработанные им «свободные строфы», и стремился античную мифологию вытеснить национальной древнегерманской, — он первым из крупных немецких поэтов широко и принципиально поставил вопрос о реорганизации стиха за счет

освобождения его от «стеснительных» рифм и «однообразных» ямбов. Изобретая свои собственные размеры, Клопшток в то же время продолжал популяризировать античную метрику и более других способствовал усвоению немецкой поэзией дактило-хореического гекзаметра и различных лирических размеров древних поэтов. Кроме того Клопшток обосновал свои опыты в области метрики в ряде теоретических сочинений. Работу его в этом направлении продолжили многие из немецких поэтов эпохи «бурных стремлений», в частности, Рамлер, Фосс, Ф. Штольберг и Бюргер.

Известно, что Востоков читал теоретические сочинения Клопштока и Рамлера. На клопштоково «Рассуждение о подражании на немецком языке греческим размерам» он ссылается в примечаниях к «Опытам лирическим»; там же встречаются ссылки на Рамлера, у которого, между прочим, Востоков, вероятно, заимствовал манеру снабжать стихи метрическими схемами и примечаниями творчески-лабораторного характера.

В. К. Кюхельбекер в цитированной выше статье 1817 г. отвел Востокову первое место в ряду реформаторов русского стиха. Это, конечно, неверно. У Востокова и на русской почве были предшественники. Линию преодоления силлабо-тонического стихосложения открывает в России еще Тредьяковский, поэма которого «Тилемахида» представляет собою попытку создания рус-

ского гекзаметра; он же, первым из русских поэтов, принципиально поставил вопрос о белом стихе. К 1750-м гг. относятся метрические эксперименты Сумарокова, хотя полемически и заостренные против опытов Тредьяковского, но по сути дела игравшие одинаковую с ними роль. В дальнейшем линия эта была продолжена целым рядом русских поэтов второй половины XVIII в., от Хераскова до Карамзина включительно. Историко-литературный смысл ее заключался в преодолении ломоносовской системы стихосложения.

Более или менее прочное теоретическое обоснование проблеме обновления русского стиха дал Радищев. Он охотно писал белым стихом, разрабатывал русский «народный» стих («Бова», «Песнь историческая»), гекзаметр («Осьмнадцатое столетие»), сафическую строфу, дал образцы полиметрических стихов («Песни древние»); в своем «Памятнике дактило-хореическому витязю» он подверг пересмотру осмеянные опыты Тредьяковского. Особо важное значение имеют мысли Радищева о русском стихосложении, высказанные им в «Путешествии из Петербурга в Москву». Здесь он выступил с развернутой критикой ломоносовской системы, основой которой был ямбический стих.

Востоков в своем «Опыте о русском стихосложении» развил мысли Радищева, не называя, однако, его по имени в силу цензурных условий. Ко времени появления

«Опыта» русскими поэтами была уже проделана немалая работа по освоению белого стиха и новых, преимущественно дактилических, размеров, и Востоков подводил в этом плане некоторые итоги: «Довольно, однако, на первый случай и того, что из новейших поэтов наших Бобров осмелился в дидактических поэмах, по Английским образцам, свергнуть с себя узы Александрийского стиха и рифмы — и имел в том удачу; а Державин, Дмитриев, Карамзин и другие, в творениях лирических, приучают нас опять к белым стихам, к дактилям и ко всем другим размерам, какие только согласны с нашею тоническою просодиею».

Большую и плодотворную работу проделал Востоков в области насаждения на русской почве лирических античных размеров. Здесь он шел по пути разработки особых композиций (античная строфа — сафическая и горацианская) и создания собственных полиметрических схем.

В своей творческой практике Востоков не слишком строго придерживался законов античной метрики. Он допускал отступления от схемы, и постоянно подчеркивал это обстоятельство в примечаниях к своим стихам. Вообще путь Востокова лежал от подражаний античным образцам — к самостоятельным, более свободным формам, выработанным по аналогии с античными, — к так называемому «вольному» стиху, т. е. стиху

уже чисто-тоническому, строившемуся по принципу счета ударений, а не слогов.

По существу работа Востокова в области освоения античных размеров сводилась к своего рода «руссификации» их, к приноровлению их к «духу» и «свойствам» русского стихосложения. В примечании к написанному «горацианским размером» стихотворению «К Борею в Маие» Востоков заявлял: «Все сии пробы Дактилических и иных разностопных стихов не для того выставлены, чтобы требовать точного им подражания и хотеть на Русском языке, именно, Сафических, Алцейских, Асклепиадейских, Ферекратийских стихов. Нет; пусть бы это только побудило молодных наших поэтов заняться обработанием собственной нашей Просодии, не ограничиваясь в одних Ямбах и Хореях, но испытывая все пути, пользуясь всеми пособиями, которые предлагает нам Славено-русский язык, благомерный и звучный».

Второй линией, по которой в конце XVIII — начале XIX вв. шло обновление русского стиха, была литературная имитация фольклорных образцов, в первую очередь народной песни. В плоскости этого течения лежит разработка хорея, как русского «народного» размера, «русского склада». Историю этого течения можно проследить на протяжении целого ряда десятилетий; оно захватило и державинский кружок (Львов, Капнист), и Карамзина с его шко-

лой, и Востокова, а вслед за ним Мерзлякова, Цыганова, Дельвига, отчасти Пушкина. В эпоху Востокова развитию интереса к «народному» стиху способствовали открытия памятника древнерусского эпоса — «Слова о полку Игореве» и сборника народных песен Кирши Данилова.

В известной мере течение это было связано с возрождением интересов к национальной старине, к фольклору в частности, проявившимся во второй половине XVIII в. в Западной Европе — в Англии (песни Оссиана, старинные баллады Перси) и, с особенной силой, в Германии эпохи «бурных стремлений», где обращение к национальной старине, к исконной германской культуре явилось реакцией против засилья французской классицистической культуры и, в конечном счете, было вызвано ходом событий социально-политической истории германского народа.

В конце 1770-х гг. на защиту «народной» словесности в Германии выступил Гердер со своим знаменитым сборником народных песен. Идеи Гердера о «народности» и «первобытной поэзии» были усвоены и творчески реализованы поэтами Гёттингенской школы. Как и освоение античного стиха, обращение к «народной» словесности послужило к освобождению немецкой поэзии от стилистических шаблонов и нормативной поэтики французского классицизма.

Эти тенденции различимы и на русской почве. Востокову в деле теоретического обоснования русского «народного» стиха принадлежит первая роль. Практическим осуществлением теории, разработанной им в «Опыте о русском стихосложении», является поэма «Певислад и Зора» (1802), не вошедшая в настоящий сборник по условиям места, и ряд мелких стихотворений, а также переводы сербских песен, стихом которых воспользовался Пушкин в своих «Песнях западных славян».

В кругу литературных друзей и соратников Востокова, в Вольном обществе, народная словесность служила целям борьбы с эстетизмом карамзинской школы. Слезливо-сентиментальным «песенкам» и «пасторалям» карамзинистов здесь противопоставлялась «простота и беспечность старинных народных песен». По вопросу о народной словесности поэты Вольного общества смыкались с архаистами.

В основе поэтической практики Востокова лежит тенденция к резкой индивидуализации стиха. При этом в понимании Востокова проблема индивидуализации сводилась прежде всего к насыщению стиха идейно-смысловым содержанием. Наука, мораль, философия — вот материал его стихотворений.

Метрические эксперименты Востокова должны быть поставлены в связь с усвоенными им принципами выработки особого поэтического стиля, отмеченного печатью отличия, «самобытности». Он шел к усложненности стиха от усложненности стиля. Каждый формальный момент, будучи семантически окрашенным, подчинен в стихах Востокова движению мысли. Точнее говоря, Востоков стремился достичь полной адэкватности ритма, метра и прочих формальных компонентов стиха — его смысловому содержанию. Именно в этом направлении работал Клопшток, в практике которого «изобретение» (по Клопштоку «сила выражения и новизна оборотов») выступало как организующий принцип поэтического мышления. Именно поэтому Клопшток отказался под конец от готовых античных форм, с тем, чтобы самостоятельно выработанная им форма целиком отвечала «самобытному» содержанию его поэзии. Примерно то же самое можно сказать и о Радищеве, формальное новаторство которого также было направлено на усвоение поэзии глубокого идейно-смыслового содержания.

В эстетике Востокова очень крупную роль играла античность. Обращение к античным литературным формам, соотнесенным с определенным литературным стилем, служило для него средством патетического «возвышения тона» и имело глубокий идейный смысл, поскольку на Западе античная

концепция теории искусства была одним из основных художественных методов буржуазии. Поэзия Востокова как раз и служила на русской почве если не единственным, то, во всяком случае, одним из наиболее ярких проявлений буржуазного, немецкого по своему происхождению, «позднего» классицизма, связанного в первую очередь с именами Винкельманна и Лессинга, и не имевшего ничего общего с французским ложноклассицизмом эпохи расцвета феодально-дворянской художественной культуры.

Особое значение при этом имела античная мифология и история. «В классически строгих преданиях римской республики, — писал Маркс, — гладиаторы буржуазного общества нашли идеалы и художественные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии».[1]

В поэтической практике Востокова, при всей ограниченности его буржуазного мировоззрения, мифологические имена и понятия, а в еще большей степени имена «гражданских» героев и тиранов классической древности, вызывавшие вполне конкретные представления не только эстетического, но и морального и социально-истори-

[1] К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. М., 1934, стр. 9

ческого порядка, — играли крупную конструктивную роль. Когда на протяжении шести строк Востоков упоминал (в стихотворении «История и баснь») о Сократе, «правдивом Аристиде», Регуле, «верном истине Тразее» и «тирановом льстеце Дамокле», — он до предела сгущал в символических образах идейно-смысловое содержание стихотворения, поскольку за каждым из этих имен стоял в сознании людей XVIII — начала XIX вв. вполне определенный и готовый круг ассоциаций, находивших свое продолжение в сфере явлений живой социально-политической современности.

При этом Востоков в «повествовательных опытах» предпринял попытку расширить свою мифологическую базу за счет разработки псевдо-славянской мифологии, созданной «по баснословным преданиям» преимущественно уже в XVIII в., но претендовавшей на значение мифологии национальной и «народной». Обращение Востокова к славянской мифологии, к славяно-русскому фольклору ложилось в плоскость обоснования идеи народности в том варианте, в каком предлагалась она в теории и литературной практике поэтов Вольного общества и близких к ним писателей, выражавших тенденции буржуазно-демократического сознания. В сфере литературной идея народности, в понимании поэтов Вольного общества, служила целям преодоления классицистической поэтики и, одно-

временно, целям борьбы с эстетизмом и слащавой сентиментальностью карамзинистов, — за утверждение «самобытного», «национального» и «высокого» литературного стиля.

Проблема Востокова-поэта — в основном проблема «поэзии мысли». В начале своей стихотворческой деятельности он разрабатывал преимущественно жанр монументальной монологической философской оды типа классической «Оды на счастье» Жан-Батиста Руссо (переведенной им в 1805 г.) и лирическо-философской медитации «большого плана» — на самые общие темы исторического или морально-дидактического порядка. Для Востокова характерен идущий от французских просветителей рационалистически-отвлеченный метод мышления в оценке исторических явлений и трактовке самых общих натурфилософских и космогонических концепций (характерный пример — ода «Тленность»).

В этой склонности к широким философским и историческим обобщениям, к монументальному лирическому стилю гимна и оды, в склонности к «грандиозари» XVIII в., — сказалось оппозиционное отношение Востокова к творческим принципам карамзинистов.

«Шероховатость слога», которую отмечали в своих отзывах о стихах Востокова его современники, его резко-индивидуализированный стих, усложненность синтаксиса

(в котором различимы следы родной для Востокова немецкой языковой культуры) и сложный, подчас вычурный, лексический состав—все это резко противостояло карамзинистской «плавности» и «гладкости». Востоков нарушал принципы «точного» словоупотребления и словосочетания, выдвигавшиеся карамзинистами в качестве основных принципов поэтики; равно нарушал он и условные законы лексической иерархии, принятые в поэтике классицизма.

Язык Востокова — сложного состава; он очень пестр, насыщен архаизмами церковно-славянского происхождения, элементами «народного» слога и научной терминологией. Востоков стремился к максимальному расширению своей лексической базы за счет введения в стиховую речь новых слов. При этом характерным для Востокова приемом является не «словотворчество», а лексические и семантические «сдвиги», когда слово, не бытовавшее в поэтическом языке, взятое из другого речевого ряда — вдвигается в узаконенный лексический ряд и ставится в необычную смысловую связь с «высокими словами». Так, например, Востоков не усомнился сказать в переводном стихотворении:

И ананасу и грибу
Идет в дожде небесном *пойло*.

Другой пример в стихотворении на «высокую» тему («Бог в нравственном мире»):

«помрет он *скотски* так, как жил». Ту же, примерно, роль играли в стихах Востокова научные термины, например: «*электризация* любви».

Усложненность словаря и синтаксиса, частые инверсии, вообще затрудненность поэтического дыхания, на ряду с «философичностью» содержания — делали поэзию Востокова малодоступной, а — по словам Греча — «слишком необыкновенной и даже дикой» для широкого читателя 1800-х гг., воспитанного либо на ходовых, заштампованных образцах торжественной одической поэзии, либо на «приятных» для слуха, «гладких» мелочах карамзинистов. Востоков в практике своей работы нарушал все привычные каноны и традиции, шел вразрез с укоренившимися правилами поэтики и стихосложения. Как всякий новатор, он, естественно, не мог рассчитывать на особенно шумный успех.

Востоков перестал писать стихи в середине десятых годов, в условиях формирования «пушкинской» стиховой культуры, конечно не потому только, что обратился к научным занятиям. Он *выпал* из литературы, поскольку работа его над стихом шла в совершенно ином направлении, нежели общий процесс литературной эволюции, протекавший, в основном, в плоскости выработки новых лирических и повествовательных жанров (элегия, послание и романс карамзинистов, баллада Жуковского,

«романтическая поэма»). В творчестве Востокова проблема жанра в сущности никак не решалась: он работал преимущественно в пределах старой жанровой системы, — правда, смещая, деформируя ее. Работа Востокова не имела исторической перспективы, и это, разумеется, было его великой неудачей.

Но в то же время именно в том, что Востоков работал на периферии литературы, была и его удача, поскольку, оттолкнувшись от Державина и минуя жанры элегии и послания, он не стал эпигоном Карамзина и поэтов его школы, а задержался на своих особых, боковых, позициях. Творческий путь Востокова был бесперспективным и уединенным, но вполне самостоятельным путем.

Вл. Орлов

СТИХОТВОРЕНИЯ

К ФАНТАЗИИ

Тебе, Олимпа дщерь священна,
Тебе, Фантазия, мой глас,
И звучна арфа посвященна!
На что крылатый мне Пегас?
Ты можешь здесь, в сени укромной,
Явить мне Пинда верх огромной,
Кастальский ток, жилище Муз!
Уже восторгом дух пылает,
Твоей амврозии алкает,
И рвется вон из плотских уз.

В зарях ли, иль гремящей тучей
От горних спустишься небес —
Или возлюбишь мрак дремучий,
И тень прохладную древес
Раскинешь над главой моею, —
Чтоб ключ крутящейся стезею,
Гремя по камням, вниз бежал;
Пустынным гулом повторяясь,
И листвий с шорохом мешаясь,
Твое присутство б возвещал;

И ветры б свирепеть престали,
К земле со скрыпом древо гнуть,
Одни Зефиры б лобызали
Младой весны цветущу грудь:

В твоем присутствии, богиня,
И Африканская пустыня
Творится садом Гесперид!
И дебри Финнов каменисты,
И северны поморья льдисты
Теряют свой унылый вид.

Грядущих в дальности сумрачной
Столетий ряд, моим очам
Яви сквозь твой покров прозрачной!
Что зрю? — сон скиптрам и мечам!
Орел, терзавший Промефея,
Отогнан. Се грядет Астрея!..
О преблаженный смертных род!
Любовью, миром наслаждайся,
Дарами естества питайся,
Сбирай с земли сторичный плод.

Земной превыше атмосферы
Взносись, Царь мира, человек!
Расширил ты познаний сферы,
К началам всех вещей востек;
Как луч проник твой взор сквозь бездны,
Ты круги облетаешь звездны,
Их испытуя вещество;
Тобою взвешен мир, измерен;
Высок твой ум, рассудок верен,
Свое постиг ты естество!

Все плевелы искоренились,
В соседстве с пользой нет вреда;
С рассудком страсти примирились,
Легла их древняя вражда.

И люди счастие познали,
И люди — ангелами стали!
Но сбудется ль сие, иль нет?..
Вникать глубо́ко не желаю,
К другим предметам направляю
С тобой, Фантазия, полет.

С тобой я на Кавказ взбираюсь
И в жерло Этны нисхожу,
В шумящие моря пускаюсь
И в тишине пустынь брожу.
Исполненный благоговенья,
По необъятностям творенья
Я на крылах твоих парю!
Во океане звезд купаюсь —
Но вверх лечу ль, иль вниз спускаюсь,
Брегов и дна нигде не зрю.

С тобой люблю я, в мыслях сладких,
Собрать, устроить, просветить
Народы; тигров, к крови падких,
В смиренных агнцев превратить.
С тобой я извергов караю
И добродетель награждаю,
Достойным скиптры раздаю,
А угнетенным всем свободу,
И человеческому роду
С Сен-Пьером вечный мир даю!

Тебе стихии все послушны,
Послушны небеса и ад.
Там строишь замки ты воздушны,
А там садишь Армидин сад.

Махнешь, — и Граций узришь пляски;
Воскликнешь, — божества Парнасски
Сладчайшу песнь тебе гласят.
Фантазия многообразна,
Всегда нова, всегда прекрасна,
Ты тьму нам да́руешь отрад!

Коснися мне жезлом чудесным,
В забвенье сладко погрузи,
К святым селениям небесным
На крыльях ветра понеси.
Пусть сладость рая предвкушает,
Пусть в море счастья утопает
Мой дух, исполненный отрад!
Да отженется всяка скверна;
Прочь ненависть, прочь зависть черна,
Коварства, лести, злобы яд!

Вселившийся в стране блаженной,
Куда вам неприступен вход,
Совлекся я одежды бренной
Взнестить к Началу всех доброт.
И се... вознесся, — наслаждаюсь,
Озрелся вкруг, и восхищаюсь,
Повсюду совершенство зря! —
Далеко вас, и вашу землю
Оставил, — бурь ее не внемлю;
Забыла их душа моя!

Всё то, что стройно и согласно,
Слиялось здесь в моих ушах;
Всё то, что благо и прекрасно,
Я созерцаю в сих местах.

Всё то, что душу возвышает
И с божеством ее сближает,
Чрез нервы всё я внутрь беру;
Ах, льзя ль мне днесь землей прельщаться,
Тщете, неправде покланяться?
Пусть в сих восторгах я умру. —

Но что?.. ужели исчезает
Питавшая мой дух мечта?
От уха пенье утекает,
От взоров райска красота!
Я с содроганием очнулся,
Кругом печально оглянулся,
И зрю лишь дикий, темный лес.
В ответ на вздох мой, ветр ревущий
И ключ, в гранитно дно биющий,
Шумят сквозь ветвие древес.

Почто, Фантазия всесильна!
Покров снимаешь с глаз моих? —
Печалей жатва столь обильна,
А роза-радость вянет вмиг!
Но должно ль от того терзаться
И плакать? — нет; мы будем знаться,
Посланница небес, с тобой!
Когда ко мне с улыбкой входишь,
Ты всякую печаль отводишь,
И в душу сладкий льешь покой.

И так отрадными мечтами
Почаще дух мой услаждай;
Живыми, нежными цветами
Дорогу к смерти усыпай,

И будь мой ангел-благодетель!
Ты облекаешь добродетель
Небесных Граций в злат хитон,
И нас красой ее пленяя,
Велишь, Фантазия благая,
Любить святой ее закон.

ЗИМА

Ода к другу, в 1799 году

Пришла печальна старость года,
Зима, по осени златой;
Осиротела вся природа,
Иванов, друг любезный мой!
Ах, скоро вечности пучина
Сего времян поглотит сына,
И сей уже не будет год.
Его заступит место новый,
И, свергнув зимние оковы,
Он узрит вновь весны приход.

Так наших дней зима наступит,
И чувств огонь погасит в нас;
Ослабит память, ум иступит,
И разольет по жилам мраз:
Доколе смерть нас не изымет
Из уз телесных, и подымет
Перед нами вечности покров.
Мы там в страна́х святых вселимся,
Где с бедством, с нуждой разлучимся,
Где нет тиранов, ни рабов.

Но прежде претечем покорно
Начертанный судьбами круг;

Потщимся с пользой, непозорно,
И жить и умереть, мой друг!
Прямую изберем дорогу,
Вождю надежнейшему, богу,
Предав себя в святый покров;
Окажем к слабым снисхожденье,
К порочным жалость, к злым презренье,
А к добрым пламенну любовь.

Теперь, *Иванов*, можем зваться
Весенними сынами мы;
Еще не скоро прикасаться
К нам хладу жизненной зимы:
И так прилежно ниву вспашем,
Чтоб в юношеском сердце нашем
Привязанность к добру росла;
Чтоб в жаркую годину лета,
Огнем благих страстей нагрета,
Плоды нам в осень принесла.

Теперь вкруг нас Амуры вьются,
Из свежих мирт венки плетут;
Все удовольствия смеются,
И все цветы забав растут.
Сорвем попавшуюся розу,
Но осторожно, чтоб занозу
Нам от шипов не получить!
А то, мой друг, и прежде сроку
Узнаем зиму мы жестоку,
И для болезней будем жить.

О нет! умеренность благая!
Тебе потщимся мы внимать.

Твои законы соблюдая,
Болезней можем мы не знать;
И скуки, дщери пресыщенья,
Не убоимся приближенья,
Твоим щитом ограждены:
Для нас здоровие небесно,
Сие твое дитя прелестно,
Продлит еще весенни дни.

ТЛЕННОСТЬ

Средь беспредельныя равнины океана
Гора высокая стоит.
Златыми тучами глава ее венчанна,
Пучина бурная у ног ее кипит.

Стихий надменный победитель,
Сей камень-исполин,
Другой Атлант-небодержитель,
Измену зря во всем, не зыблется един.
Вотще Нептун своим трезубцем
Его стремится сдвигнуть в хлябь.
Смеется он громам и тучам,
Эол, Нептун в борьбе с ним слаб.
Плечами небо подпирая,
Он стал на дне морском пятой
И, грудь кремнисту выставляя,
Зовет моря на бой.

И бурные волны
На вызов текут.
Досадою полны,
В него отвсюду неослабно бьют.
И свищущие Аквилоны
На шумных крылиях грозу к нему несут:
Но ветры, волны, громы

Его не потрясут!
И видя свой напрасен труд,
Перуны в тучах потухают,
Гром молкнет, ветры отлетают;
Валы бока его ребристы опеняют,
И с шумом вспять бегут. —
И веки протекли и, мимо шед, дивились,
Его несокрушимость зря.

Но дни его гордыни длились
Не вечно.—С ним Нептун всегдашню брань
творя,
Притек в Плутоновы жилища темны,
Сильнейшего борца воздвигнуть, — огнь
подземный, —
Против Гигантовых неодоленных сил.
И возбужен, тесним из преисподних жил
Потоком хлынул огнь свирепый:
Ища отверстий, рвет заклепы,
И моря дно как ниву взрыл.
И внутренни в горе наполнивши вертепы,
Всю тяготу ее тряхнул, восколебал;
От дна кремнистого отторгши сильным ма-
хом
Далеко разметал,
Осыпав жупелом и прахом.
И тот, который все стихии презирал,
Против тебя не устоял,
Дщерь адова, землетрясенье!

Еще в уме своем я зрю его паденье:
Содрогалось всё, когда колосс сей затрещал,
В широких ребрах расседаясь,

Скалами страшными на части распадаясь,
Уже вершинам волн разлогих равен стал.
Уже в немногих глыбах черных,
Которы из воды встают
И серный дым густой дают,
Остатки зрю его величья. — Всех презорных
Тиранов, силою гордящихся своей,
Подобный ждет конец, подобный мавзолей;
Доколь забвенья мрак их вечный не
обляжет,
Проклятий смрад потомству скажет,
О том, кто так, как сей низринутый
колосс,
Огромностью вдали пловущих удивляя,
Вблизи ж пловцу корабль о камни
раздробляя,
Был непристанищный и гибельный утес.

* * *

Чем выше кто чело надменное вознес,
Тем ниже упадает.
Рука Сатурнова с лица земли сметает
Людскую гордость, блеск и славу, яко
прах.
Напрасно мните вы в воздвигнутых столпах
И в сгромаждении тьмулетней пирамиды
Сберечь свои дела от злой веков обиды:
Ко всем вещам как плющ привьется едкий
тлен,
И все есть дóбыча времен!
Миры родятся, мрут: — сей древен, тот
юнеет;

И им единая с червями участь спеет
Равно и нам!
А мы, — безумные! дав удило страстям,
Бежим ко пагубе по скользким их путям.
Зачем бы не итти путем златой средины,
На коем из даров Природы ни единый
Не служит нам во вред! —
Но редко кто, умен до испытанья бед,
Рассудка голосу послушен, осторожно
И с мерою вкушал, чтобы продлить, коль можно,
Срок жизни истинной, срок юных, здравых лет,
Способностей, ума, и наслаждений время,
Когда нас не тягчит забот прискорбных бремя,
Забавы, радости когда объемлют нас!
Не слышим, как за часом час
Украдкою от нас уходит;
Забавы, радости уводит:
А старость хладная и всех их уведет,
И смерть застанет нас среди одних забот.

* * *

Смерть!... часто хищница сия, толико злая,
И гласу плачущей любови не внимая,
Берет под лезвее всережущей косы
Достоинства, и ум, и юность, и красы!
Во младости весеннем цвете
Я друга сердцу потерял.
Еще в своем двадцатом лете,
Прекрасну душу он являл;

За милый нрав простой, за
искренность сердечну
Всяк должен был его, узнавши,
полюбить;
И, с ним поговорив, всяк склонен был
открыть
Себя ему всего, во всем чистосердечно:
Такую мог Филон доверенность
вселить! —
Вид привлекательный, взор огненный,
любезный,
Склоняя пол к нему прелестный,
Обещевал в любви успех;
Веселость чистая была его стихия;
Он думал: посвящу я дни свои младые
Любви и дружеству; жить буду для утех.
Какой прекрасный план его воображенье
Чертило для себя
В сладчайшем упоеньи:
Природы простоту и сельску жизнь любя,
Он выбрал хижинку, при коей садик
с нивой,
Чтоб в мирной тишине вести свой век
счастливой.
Всего прекрасного Филон любитель был,
Так льзя ли, чтоб предмет во всем его
достойной
Чувствительного не пленил?
И близ себя, в своей он хижине
спокойной
Уже имел драгой и редкой сей предмет!
Теперь на свете кто блаженнее Филона?
Ему не надобен ни скипетр, ни корона, —

Он Элисейску жизнь ведет!

Увы, мечта! Филона нет!!

Филона нет! — болезнь жестока
Похитила его у нас.
Зачем неумолимость рока
Претила мне во оный час
При смерти друга находиться?
Зачем не мог я с ним впоследние
проститься;
Зачем не мог я в душу лить
Ему при смерти утешенье, —
Не мог печальное увидеть погребенье,
И хладный труп его слезами оросить!..
К кончине ранней сей, увы! и неизбежной,
Я так же б милого приуготовить мог;
И из объятий дружбы нежной
Его бы душу принял бог.

* * *

Меня, богиня непреклонна,
Когда приидешь ты серпом своим пожать,
Хоть в том явися благосклонна:
Не дай мне в тягостном уныньи жизнь
скончать!
Не дай, чтобы болезни люты
В мои последние минуты
Ослабили и плоть и дух;
До часу смерти рокового
Пусть буду неприятель злого,
А доброго усердный друг.

Когда ж я, бедный, совращуся
С прямого к истине пути,
В туманах, на стезю порока заблужуся, —
Тогда, о смерть! ко мне помощницей лети
И силою меня ко благу обрати!

ОСЕННЕЕ УТРО
1800

Серы, волнисты, тучи дождливы
Медленно сеются врознь;
Сребрено ложе флеровых облак
Нежну покоит луну.

Мраки, редея, взору открыли
Спящу природу везде;
Изредка слышно карканье вранов,
Изредка гул в тишине.

Мало по малу холмы яснеют,
Мрак исчезает с полей.
Дремлющи села петел будящий
К утренним кличет трудам.

Думы, заботы, горесть и радость
В оных проснулись теперь:
Скрыпнули створы, слышен уж частый
Бой молотящих цепов.

К темной дубраве путь я направлю,
К осени вниду во храм;
Ветер бушующ с свистом проносит
Бурю сквозь ветви древес.

Мертвые травы, желтые листья
  Тщетно кропимы дождем:
Хладну лишь землю он напаяя,
  Сячется тихо в нее.

Образ истленья, скучную осень
  Здесь оставляет мой дух,
В сладком забвеньи, с утренним паром
  Медленно к небу взносясь.

Плавает всюду, всё обнимает,
  Легких касается туч;
Мчится с восторгом выше и выше,
  К дальним несется мирам.

Сколь бесконечно благо, премудро
  Создал вселенную бог!
Неизмеримость звездами смотрит;
  Видит повсюду себя!..

Небо прияло утренню ясность;
  Но не увидим весь день
Солнца за кровом пасмурных облак:
  Бледно цветит их края!

Древо, склонивши голые сучья,
  Смотрит на листья свои
Кои упали к корню и тлеют
  Подле родившего их.

Но в одеяле мягкого снега
  Землю они утучнив,
В соке живящем паки весною
  К стеблям своим востекут;

Паки расцветши, свежестью новой
  Чувства восхитят мои!
Всё превращает вид свой в природе;
  Не исчезает ничто.

Матерь Природа! сколь благодатна
  Сколько ты к чадам щедра!
В осень сырую, в зиму сурову
  Благословляю тебя!

Если б ненастья, бури и стужу
  Смертный не знал никогда,
Мог ли бы летом он наслаждаться,
  Сердцем весною цвести?

ОДА ДОСТОЙНЫМ

Дщерь всевышнего, чистая Истина!
Ты, которая страстью не связана,
Будь днесь Музой поэту нельстивому,
И Достойным хвалу воспой!

Дети счастия, саном украшенны!
Если вы под сияющей внешностью
Сокрываете слабую, низкую
Душу, — свой отвратите слух.

К лаврам чистым и вечно невянущим
Я готовя чело горделивое,
Только Истину чту поклонением;
А пред вами ль мне падать ниц?

Нет;—кто, видев как страждет отечество,
Жаркой в сердце не чувствовал ревности
И в виновном остался бездействии, —
Тот не стоит моих похвал.

Но кто жертвует жизнью, имением,
Чтоб избавить сограждан от бедствия
И доставить им участь счастливую, —
Пой, святая, тому свой гимн!

Если мужество, благоразумие,
Твердость духа и честные правила
Совместилися в нем с милосердием, —
Он воистину есть Герой!

О, коль те в нем находятся качества,
Он составит народное счастие;
Поздних правнуков благословение
Будет в вечность за ними итти.

Многих мнимых Героев мы видели,
Многих общего блага ревнителей;
Все ли свято хранят обещание
Быть отцами, закон блюсти?

Но кто к славе бессмертной чувствителен,
Тот потщится, о Граждане, выполнить
Долг священный законов блюстителя,
И приимет хвалу веков.

И такому-то, Муза божественна,
О, такому лишь слово хваления,
В важном тоне, из уст благопесливых,
Рцы языком правдивым ты!

К ТЕОНУ

В осень 1801 года

Гонимы сильным ветром, мчатся
От моря грозны облака,
И башни Петрограда тмятся,
И поднялась река.

А я, в спокойной лежа сени,
Забвеньем сладостным объят,
Вихрь свищущ слышу, дождь осенний,
Биющий в окна град.

О как влияние погоды
Над нами действует, мой друг!
Когда туманен лик природы,
Мой унывает дух.

Но буря паки отвлекает
Меня теперь от грустных дум;
К великим сценам возбуждает,
Свой усугубив шум.

Не зрю ль в восторге: *Зевс дождливый*,
Во влагу небо претворя,
С власов и мышц водоточивых
Шумящи льет моря?

Меж тем к Олимпу руки вздела
От наводняемых холмов
Столповенчанная Цибела,
  Почтенна мать богов.

В глубоком сокрушеньи зрится,
В слезах и трепете она;
Ее священна колесница
  В водах погружена;

В нее впряженны львы ретивы
Студеный терпят дождь и град;
Глаза их блещут, всторглись гривы,
  Хвосты в бока разят.

Но дождь шумит, и ветры дуют
Из сильнодышущих устен;
Стихии борются, бунтуют,
  О ужас! — — о *Дойен!* [1]

Изящного жрецы священны,
О, будьте мной благословенны!
Художник, Музыкант, Поэт!
  В вас дух богов живет.

Стократно в жизни сей печальной
Благодарить мы вас должны;
Вы мир физический, моральной
  Перерождать сильны.

---

[1] Дойен, ученик К. Ванлоо и учитель славного Давида. Его эскиз, гравированный Скотниковым, был образцом сего изображения бури. *(Прим. Востокова).*

Мой друг! да будет и пред нами
Раскрыта книга Естества:
Прочтем душевными очами
  В ней мысли божества.

Прочтем, и будем исполняться
Святым ученьем книги той,
Дабы не мог поколебаться
  Наш дух напастью злой.

Как бурных волн удар приемлет
Невы гранитный, твердый брег
(Их шум, смятенный слух мой внемлет,
  Обратный зрю их бег), —

Так праведник, гонимый роком,
В терпенье облачен стоит;
Средь бурь, в волнении жестоком,
  Он тверд, как сей гранит.

Смотри, Теон, как всё горюет!
Всё чувствует зимы приход;
Зефир цветков уж не целует,
И вихрь сшиб с древа плод.

Смотри, как ветви обнаженны
Гнет ветер на древах, Теон!
Не слышится ль во пне стесненный
  Гамадриадин стон? —

Лишь, кровля вранов, зеленеет
Уединенна сосна там;

Всё блекнет, рушится, мертвеет
Готовым пасть снегам.

О, сетуйте леса, стонайте;
Морозом дхнет на вас зима!
О светлы воды! утекайте:
Вас льдом скует она!

Но минет власть ее, и снова
Придет к нам милая весна;
Совлекшись снежного покрова,
Воспрянет все от сна.

И обновление Природы
На ветках птички воспоют.
В брегах веселых Невски воды,
Сверкая, потекут.

Тогда с тобой, Теон любезный,
Пойдем мы на поле гулять!
Оставим скучный город, тесный,
Чтоб свежестью дышать.

Тогда примите, о Дриады,
Под тень древес Поэтов вы —
Воспеть весну, среди прохлады,
На берегах Невы!

ВИДЕНИЕ В МАЙСКУЮ НОЧЬ

К Флору

Майска тиха ночь разливала сумрак.
Голос птиц умолк, ветерок прохладный
Веял, златом звезд испещрялось небо,
Рощи дремали.
Я один бродил, погруженный в мысли
О друзьях моих; вспоминал приятность
Всех счастливых дней, проведенных с ними;
Видел их образ.
Где ты, мой Клеант! (я, вздыхая, думал)
Где вы все? — где Флор? где Арист? Филон мой
Где незабвенный?
Утром цвел!.. о Флор! не давно ли плачем
По Филоне мы? уж весна двукратно
Оживляла злак над его могилой,
Птички любились.
Я вздыхал, и взор устремив слезящий
На кусты, на дерн, вопрошал Природу:
Друг у нас зачем с превосходным сердцем
Отнят так рано?
Мне была в ответ — тишина священна!
Дале вшел я в лес, оперся на древо;
Листвий сладкий шум вовлекал усталы

Чувства в забвенье.
Вдруг из мрака бел мне явился призрак,
Весь в тумане: он приближался тихо,
Не был страшен мне, я узнал в нем милый
Образ Филона:
Благовиден, млад, он взирал как ангел;
Русы по плечам упадали кудри,
Нежность на устах, на челе спокойство
Изображались.
Он уста отверз, — как с журчащим током
Шепчет в дебрях гул, или арфу Барда
Тронет ветер, — так мне влиялся в ухо
Голос эфирный.
Он гласил: «Мой друг, веселись не сетуй;
Я живу: излей и во Флора радость
О судьбе моей, а свою с терпеньем
Участь сносите.
Всё возможно! зришь ли миры блестящи
Тамо; землю здесь? — что она пред ними,
То и жизнь твоя пред другими жизньми
В вечной Природе.
Ободрись же ты и надейся с Флором
Лучших жизней *там;* но не скорбью
тщетной,
Благородством чувств и любовью к благу
Чти мою память!»
Он исчез. Филон! мой любезный, где ты?
Руки я к нему простирал в тумане;
Сердце билось — ах! Но повсюду были
Мрак и безмолвье.

СВЕТЛАНА И МСТИСЛАВ

Богатырская повесть в четырех песнях

песнь первая

Светлана в Киеве счастливом
Красой и младостью цвела
И изо всех красавиц дивом
При Княжеском дворе была.
Но более еще сияла
Душевной прелестью она;
С приятством кротость съединяла,
Была невинна и умна.

Князей, Богатырей и *Гридней*[1]
Всегда текла толпа за ней,
Светлана Лады миловидней!
Баяны[2] напевали ей.
И кто б, воззрев, не покорился

---

[1] Гридни, правильнее: Гридины или Гридьба—так назывались Придворные во времена первых Князей. Гридня или Гридница—чертог или зала дворцовая.

[2] Баяны — Русские Барды. Употреблено по примеру Г-на Нарежного, см. в „Приятном и полезн[ом] препровождении времени“ [1798 г.], ч. XX — Песнь Владимиру Киевских Баянов. *(Прим. Востокова).*

Ее божественным очам!
В любвидостойную влюбился
Великий Князь Владимир сам.

Люби меня, девица красна! —
Владимир-солнце[1] ей твердит:
Волненье, муки сердца страстна
Приятный взор твой утолит;
Люби меня! Во ткани златы
Твою одену красоту,
Дам волости тебе богаты,
И всем Княгиням предпочту!

Склонись! — Но тщетно он слагает
Пред нею Княжескую власть;
Он тщетно молит, угрожает:
Она его отвергла страсть!
Какая ж бы, он мнит, причина
Сея холодности была? —
Но ах, когда б он знал, что сына
Ему Светлана предпочла!

К отцу из своего удела
Тмутороканский прибыл Князь.
Светлана юношу узрела, —
Заискрелась и разлилась
Любовь в груди девицы красной.
От всех она ее таит;
Но ей изменит вздох всечасной
И разгорание ланит.

---

[1] В старинных Русских сказках и песнях обыкновенное прозвище Владимиру: солнышко. (*Прим. Востокова*).

Вступал ли в стремена златые
На играх рыцарских Мстислав;
Метал ли копья из десныя
В высоку цель; — иль, щит подъяв,
Скакал чрез поприще широко,
Одолеваючи Князей, —
За ним ее летало око,
И сердце трепетало в ней.

Уже ты, бедная, мечтаешь
О нем во сне и на яву,
И злых людей не примечаешь:
Разносят о тебе молву!
Но Киевского слух владыки
Молва сия как гром разит;
Немедля сына Князь Великий
В чертог к себе призвать велит.

«На то ль ты, отрок дерзновенный!
Удельный град оставил свой
(Вещал Владимир раздраженный)
Чтоб отчий нарушать покой? —
Уже девиц ты обольщаешь,
Злосчастный! — — сеешь здесь раздор!
О, ты мне сердце отравляешь;
Оставь немедленно мой двор!»

Отец мой! — с должным преклоненьем
Млад витязь изумленно рек —
Скажи, каким я преступленьем
Вдруг гнев твой на себя навлек?
«Каким! — личиною обмана
Свои ты хочешь козни скрыть:

Не влюблена ль в тебя Светлана?
Не ты ль дерзнул ее прельстить?»

— Что слышу! я любим Светланой!
Ах, вподлинну ль, родитель мой,
Столь счастлив я? — Стократ желанной
Я мог ли вести ждать такой!..
Явлю во всем повиновенье,
Во всем, — лишь мне Светлану дай.
Готов итти я в заточенье,
Но с ней меня не разлучай! —

Кто гнев Владимира опишет,
Борьбу страстей жестоких в нем!
Он ревностью, досадой дышет,
Врага он в сыне зрит своем.
«Не будь ко мне жестокосердым, —
Прекрасный продолжал Мстислав,
Почтительно, но гласом твердым,
К ногам родительским припав. —

«Мой Князь, тебя я почитаю,
Отец мой, я тебя люблю;
Но я Светлану обожаю,
И никому не уступлю!»
С сим словом встал, и распростился
С умолкшим в ярости отцом,
От коего он известился
Теперь лишь только сам о том.

Но сам еще не доверяет
Тому, что девой он любим;
Спешит, минуты не теряет —

И восхищен известьем сим,
И купно опасаясь гнева
Отцовского, — спешит туда,
Где вожделенна сердцу дева,
Светлана где живет млада.

песнь вторая

Под тихим кровом ночи темной
Мстислав прокрался к тем местам.
Но как в чертог уединенной
Предстать Светланиным очам?
И ночью ж? — Но всесильну злату
И просьбам дом отворен стал;
Введен рабыней, вшел внезапу,
И изумившейся вещал:

Нельзя мне долее таиться,
Давно плененному тобой!
Я слышал, — но могу ли льститься —
Что непротивен я драгой!
Могу ль сему поверить счастью?
Ответствуй мне, мой рок сверши!
Грядущий час грозит напастью
Тебе и мне — ах, поспеши!

С любовью стыд в ней равносильны.
Но первая превозмогла;
Возведши робко взор умильный,
«Люблю тебя» произнесла.
Сей взор Мстислава восхищает,
Бальзам в него слова те льют;
Он руку нежную лобзает,
И вздохом зыблемую грудь.

Но дороги для них мгновенья,
И скоро во младых сердцах
Наместо сладка упоенья
Вселился справедливый страх.
Мстислав решается. Драгая! —
Светлане он сказал своей, —
Пойдем, — нас ждет страна иная,
Оставим град опасный сей!

Мой остров[1] пажитями красен,
Обширен мой престольный град,
Обилен, весел, безопасен,
Там ждет нас Леля[2], бог отрад;
И жизнь свою отдам я прежде,
Чем милую! — — Она на то:
Даюсь тебе, моей надежде!
Жених мой ты, или никто!

Потом срядилась для дороги
Светлана скрытно ото всех;
Оставила свои чертоги
Со вздохом — может быть, на век:
Но с нею шел любовник милый,
О чем еще ей горевать;
Какие Чернобожьи силы
Противу Лады могут стать!

---

[1] Остров Тмутороканский, ныне Таман[ь].

[2] Леля — Славенский Амур. Подробнее обо всех богах Славенских, здесь и далее упоминаемых, можно прочесть в „Досугах“ Попова и в „Абевеге Русских суеверий“ Чулкова, коим следовал Автор. (*Прим. Востокова*).

Свою дружину собирает
Мстислав, Тмутороканский Князь;
С собою путь им назначает,
С любезной на коня садясь.
Сколь привлекательным находит
Она его в сей страшный час!
С младаго рыцаря не сводит
Своих любующихся глаз.

И между тем их борзы кони
По усыпленным стогнам мчат.
Страшася каждый миг погони,
Любовники спешат, спешат.
Уже из Киева удачно
Предместьем выбрались глухим;
Вкруг их безмолвно все и мрачно
По дебрям и горам крутым.

Спокойным села сном забылись,
На всё простерла ночь покров;
Во враке туч от взоров крылись
И звезды, теремы богов.
Лишь вод Днепровых тихий ропот
Носился путникам во след,
И эхо только конский топот
От гор горам передает.

песнь третия

О Ладо, красоты богиня!
Любовников в пути храни:
Чиста их склонность и невинна,
Достойны счастия они. —

Раздоры, бедствия раждает
И мучит нас твой горький *Дид*, [1]
Но Леля радость восставляет,
Сердца связует и мирит.

Владимир по уходе сына
Остался вне себя; не знал,
На что решиться: зла кручина
Рвала в нем сердце. Он пылал
Жаленья, гордости, любови,
Неистовства, стыда огнем.
Вдруг дышет мщеньем, жаждет крови;
Вдруг действует природа в нем.

Природа к сыну преклоняла,
Который так достоин был
Отца во всем; — напоминала,
Что он такую полюбил,
Которую никто не может
Увидеть, не влюбясь; но вдруг
Опять свирепа ревность гложет,
Опять делят в нем страсти дух.

Какой конец борьба получит,
Какая страсть одержит верх?
И не родит ли новы тучи
Сей неожиданный побег!

---

[1] Дид — противный Леле бог, что заключают из припева: Дидо калина, Леля малина. Автор разумел под именем Дида любовь несчастную, мучительную, а под именем Лели — счастливую, сопровождаемую успехом и удовольствием. (*Прим Востокова*).

Восстал Владимир, — но оставим
Великокняжеский терём
И за Светланою направим
Полет свой ясным соколом.

Сквозь дичь, сквозь мрак, на крыльях Лели
С дружиной верною своей
Светлана и Мстислав летели.
Они уже среди полей
Переяславских; но Зимцерла
Еще по небесам ковров
Своих червленых не простерла,
И не был ночи снят покров.

С полей же тех был виден славный
Надгробный памятник Славян,
Еще до Кия, в веки давны
Насыпан кругл, высок курган.
Густою окружаясь рощей,
Над нею гордо возносил
Хребет свой, зеленью поросший,
И путника к себе манил.

Но страхом заперло дорогу
К нему сквозь лес дремуч и дик,
За тем, что там имел берлогу
Разбойник *Вепрь железный клык*.
Он по три дни и по три ночи
Все рыскал, — не спал, не дремал;
Но снова богатырски очи
На столько ж суток он смыкал.

Мстислав без страху в лес пустился,
И около кургана там

С дружиною расположился
Дать отдых усталым коням.
В свои объятья взяв, ссажает
С коня Светлану юный Князь;
Зеленый дерн их ожидает. —
И вся по роще разошлась
Для стражи Князева дружина.

Отрадной мыслию полна
Душа Владимирова сына:
«Она со мной! моя она!»
Стыдлива, юная девица
С любезным женихом своим
На травку мягкую садится,
Беседуя приятно с ним.

Наговориться, наглядеться
Не может милая чета;
Что речь, что взгляд—то вздох из сердца;
И часто сходятся уста,
Рука жмет часто руку нежно,
Огонь блистает во очах;
Клянутся друг ко другу вечно
Живейшу страсть питать в сердцах.

Но вдруг восторг их прерывает
Ужасный топот, шум и крик.
И — некто чорен выезжает
Из-за кургана в тот же миг.
Сидит на аргамаке чалом,
При бедре светлый меч висит,
Шелом с опущенным забралом,
Копье в десной, а в шуйце щит.

Он к двум сидящим прискакавши,
Невнятно, глухо провещал:
«Ба! я прервал утехи ваши;
На счастие же я попал!..
Послушай! чур со мной делиться!
Сей час мне девицу отдай;
Или — решись со мною биться,
И тяжесть сей руки узнай!

Что смотришь? нет тебе подмоги;
Твоя дружина пала вся;
И сам ты здесь подкосишь ноги!
Сдавайся, — *Вепрь разбойник я!*»
Тмутороканский Князь, в безмерной
Досаде от помехи сей,
Воскликнул гневно: «Дерзновенный,
Пришел за смертью ты своей!»

Со смехом чорный отвечает:
«Хотелось бы увидеть мне —
Язык твой много обещает! —
Таков ли храбр ты на коне,
Как на траве с младой девицей?»
Мстислав, досадою горя,
Схватил копье; — скок на конь, мчится,
Летит на грозного *Вепря*.

песнь четвертая

Что сталось, нежная, с тобою!
Что чувствовала ты в тот миг,
Когда к кровопролитну бою
Возлюбленный твой тек жених!

Ты тщетно робкий взор вперяла,
Чтоб по виду врага узнать:
Лицо решеткою забрала,
Весь стан закрыт железом лат.

Уж остры копья притупили,
В листовые щиты вонзив;
И светлы сабли обнажили,
Поспешно с седел соскочив.
Сошлись для страшного сраженья.
Кольчуги, шлемы их звучат;
От тяжкого мечей паденья
С доспехов иверни летят.

Мстислав противнику полшлема,
Мечом ударив, отделил
И сшиб с главы, но в то же время
Его меч вражий улучил. —
Он побледнел, — поник, — из раны
Кровь жарким брызнула ручьем!
Раздался жалкий вопль Светланы
При нестерпимом виде том.

Но вид еще иной открылся:
Расколот шлем, лишен подпруг,
С черноодетого скатился...
Лицо его наруже вдруг. —
Светлана вскликнула: Владимир!
«Отец мой!» вскликнул юный Князь...
— «Так; помиримся, сын любимый!
Огнь ревности моей погас».

Вещал, — и, нежно беспокоясь,
И с ужасом откинув меч,

С себя срывает белый пояс,
Чтобы скорее кровь пресечь,
Текущу из сыновней раны;
При чем без зависти он зрит
Пособье плачущей Светланы,
И попеченье с ней делит.

От тяжка шлема разрешает
Светлана юноше главу;
Поддерживая, лобызает —
Он опустился на траву.
Владимир рек: «Обуревала
Меня неукротима страсть;
Но се природа восприяла
Свою над отчим сердцем власть.

А ты, невинная причина
Того, что я, забыв родство,
На кровного стремился сына,
Ввергал во гроб себя, его:
Светлана! будь ему женою.
Тебе Мстислав, я знаю, мил
И обладание тобою
Своею кровью он купил!» —

Откуда ж вдруг взялся Владимир,
И как бегущих он настиг?
И в грозное облекся имя:
Разбойник Вепрь железный клык? —
О сем потщися нам поведать,
Баяне вещий древних лет!..
«Не мог ли вмиг Владимир сведать,
Что в Киеве Светланы нет!

Разосланы гонцы. Открылся
Бегущих след. Немедля, сам
Владимир на коня садился,
Сверкнувшим в нем тогда мыслям
Чего Царю свершить не можно,
Как если на сердце он взял?»
Конечно так. Но, думать должно,
Разбойник Вепрь тогда дремал.

К стопам Владимировым пали
Светлана и младой Мстислав
И в онеменьи пребывали, —
Но Царь их ласково подняв,
Сказал: «Возлюбленные чада,
Забудьте все напасти вы;
Меня связует с вами Лада
Узлом родительской любви!

А ты мне в силе мышцы равен,
Храбрейший из сынов моих!
И бой для нас обоих славен...»
На то Светланин рек жених:
Он славен, — я не чту позором,
Что побежден рукой отца;
Но ты бы мог единым взором,
Единым манием лица
Меня сразить: зачем ты крылся?

«Мой сын, любовь равняет всех;
Отцовской властью я стыдился
Над солюбовником взять верх.
Мечтами страсти ослепленный,
Я думал храбростью одной

Стяжать красы ее бесценны —
И кровью залил пламень свой!

Но искре б не затлеться прежней,
О, дщерь моя! не изъявляй
Мне благодарности столь нежной;
Мстислава одного ласкай!
Пойдем, помыслим об отъезде
Теперь заранее в Киев град.
Вблизи отсель, с моими вместе,
Все спутники твои стоят».

Тогда явилась колесница,
Везома парою коней.
С девицей юноша садится,
А между их Владимир в ней.
В глубоки мысли погруженный,
Что над собой победу взял,
В душе, борьбою утомленной,
Казалось он триумф держал.

Триумфу оному златая
Была добыча: связь сердец;
Признательность, любовь святая
Несли над ним торжеств венец.
Но приобретеньем Светланы
И отчей благостью Мстислав,
Утешен, не болел от раны,
Был взором светл и телом здрав.

Наставшу утру возвратился
Мстислав с Светланой в Киев град.
В семь дней от ран он исцелился,

В осьмой был свадебный обряд.
И брачну песнь гремят Баяны,
Цветет отрадой Княжий дом,
За скатерти садятся браны,
И *турий рог*[1] пошел кругом.

[1] Бычачий рог, каковой употребляли на пиршествах вместо чаши; из оного пили мед, как видно по древним Русским стихотворениям. На пиршествах у Князя Владимира обыкновенно подносили богатырям чару зелена вина и турий рог меду сладкого. *(Прим. Востокова).*

ПОЛИНЬКА

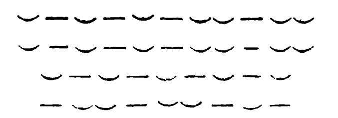
Пусть другие хвалят Киев град,
Или матушку Москву белокаменну,
Или Тулу, или Астрахань,
Или Низовски края хлебородные;
Не прельстит меня ни тихий Дон,
Ниже Волга, сто градов напаяюща;
Всех приятнее Нева река:
На берегах ее живет моя Полинька,
И струи ее лазоревы
Часто Полиньке моей служат зеркалом;
Днем ли черпает прохладу в них,
Или утром красоте омовение —
Встав с зарей, она к окну идет,
Между розами вдохнуть свежесть утренню;
Днем из терема отцовского
В легком платьице спешит в зелен сад
гулять;
Тихим вечером любуется
Вдоль по каменным мосткам. Но охотнее,
В тишине тенистой рощицы,
На цветущих островах ходит Полинька,
То с любезными подругами,
То задумчиво одна одинешенька;
В светлорусых волосах ее,
Перехваченых венком, легкий резвится

Ветерочек, навевает их
На прекрасные плеча, на высоку грудь;
Прохлаждает щечки алые,
И дерзает — — о, когда б ветерком я был! —
Но на травку села Полинька,
Устремила, вздохнув, на Неву свой взор.
Ах, по ком вздыхаешь, милая!
Отчего сия слеза в воду канула? —
Не о суженом ли думаешь,
Не гадаешь ли уже о златом кольце?..
Если б мне судьба позволила
Сцеловать с твоих ланит слезы девичьи
И, прижав мое ретивое
Сердце к сердцу твоему, перенять твой вздох!

<К МЕЛЬПОМЕНЕ>

Крепче меди себе создал я памятник;
Взял над царскими верх он пирамидами,
Дождь не смоет его, вихрем не сломится,
Цельный выдержит он годы бесчисленны,
Не почует следов быстрого времени.
Так; я весь не умру — большая часть меня
Избежит похорон: между потомками
Буду славой расти, ввек обновляяся,
Зрят безмолвный пока ход в Капитолию
Дев Весталей, во след Первосвященнику.
Там, где Авфид крутит волны шумящие,
В весях скудных водой Давнус где царствовал,
Будет слышно, что я — рода беззнатного
Отрасль — первый дерзнул в Римском диалекте
Эолийской сложить меры поэзию.
Сим гордиться позволь мне по достоинству,
Муза! сим увенчай лавром главу мою.

К БОРЕЮ В МАИЕ

Борей! доколе будешь свирепствовать?
Дождь хладный с градом сыпать
неустально,
И даже снег! — зима престала;
Злой истребитель! не тронь весну.

Нева давно уж урну оттаяла
От льдин: лелеет барки в объятиях,
И я давно олтарь Вулкана
Чтить перестал Гекатомбом дров.

Уже в эфире светлолазоревом
Поюща радость птиц раздавалася;
Лучами солнца растворенный,
Воздух амврозией нас питал.

В прохладе струек тонких, невидимых,
Купал он нежно пляшущих девушек,
И на брегах озелененных
Слышимо было мычанье стад.

Все развивалось, полнилось жизнию,
Сошли с Олимпа смехи и Грации;
Предтеча сладостной Венеры,
Резвый Амур напрягал свой лук.

Но ты напал от севера с бурями,
И дунул хладом. Вдруг помертвело всё:
Младыя почки древ поникли,
В гнезда попрятались пташки все.

Ты махом крылий игры весенние
Вспугнул; снеговы космы главы твоей
Над Петрополем разлетелись,
Светлого Феба закрывши лик.

Но се — — страшися! он уж готовится
Карать тебя за дерзость. Лучи его
Прекрасный запад осияли,
Ты же, стыдом покровен, бежишь!

ИСТОРИЯ И БАСНЬ

Ф. Ф. Репнину.

Репнин, мой друг, владетель кисти,
Лиющей душу в мертвый холст!
Ты, так, как я, питомец Феба!
Подай же руку: вместе мы
Пойдем изящного стезею.
Тебе я тамо покажу
Достойные тебя предметы,
Которые огонь родят
В твоей груди, художник юный!

Два храма видишь ты на оной высоте.
Один, Коринфскою украшен колонадой;
Повсюду блещет там и злато и лазурь,
В прелестных статуях Парийский дышет мрамор..
Храм *Басни* то; а сей, на правой стороне,
В обширном куполе, которым он накрыт,
Есть храм *Истории*, и прост и важен:
И в междустолпиях разлит священный сумрак.
Мы оба храма посетим.

И оба божества мы жертвою почтим.
Но прежде в сей войдем, который столь
прекрасен.

В широких белых ризах,
Седой, почтенный жрец,
С покровом на главе, сверх коего венец
Из полевых цветков, зеленых мирт и
лавров,
Облокотясь на златострунну арфу,
В преддверьи, с важным нас приветствием
встречает.
Сей старец есть Гомер, — Гомер, богов
певец.
— «Сподоби нам войти в святилище
богини;
Зане причастны мы мистериям ее». —
Священный к нам осклабя зрак,
Дверь храма старец отверзает:
Восторг и трепет свят весь дух мой
обнимает!
Я вижу прелести... Но нет, не описать
Мне их словами, — ты, о живописец,
Изобразишь ли их художеством своим?..

Какие виды,
И превращенья!
Там брань мятежна,
Борьба, ристанье,
Здесь светлы лики
И пляски Нимф!
Неисчерпаемый красот, богатств
источник! —

Бери скорее кисть, палитру, и пиши!
Пиши
Боголаголивой Додонской мрачность
рощи,
И Пифиин треножник злат,
И восхитительну долину Темпе,
И Гесперидский сад.
И пир богов пиши в чертогах Кронион,
Огромных, созданных Ифестом.
Чтобы вкруг сладких яств отрадно
возлегали
Блаженны жители Олимпа
И простирали бы к трапезе вожделенной
Десницы, на отца взирая;
Во осенении ж кудрей амбросиальных
Чело державного Зевеса
Блистало б благостью. А Ира величава
В златой бы зрелась диадиме,
С эгидой и с копьем владычица Паллада,
С колчаном, с лирой светл Аполлон.
И ты, о мать утех, сладчайшая богиня,
Имуща оный чудный пояс,
И ты бы зрелась там с собором юных
Граций
И со смеющимся Эротом.
О вид божественный! о дивная изящность!
Там песни Муз пленяют ухо;
Богиня младости льет в чаши сладкий
нектар,
И милый Ганимед разносит!
Но мы с надоблачных вершин Олимпа
сходим
В Троянские поля,

Где рать Ахейская одержит град
Приамов,
Где Ксанфос трупы мчит, где Гектор и
Ахилл
Свирепствуют. Оттоль с премудрым
Одиссеем
По царству странствуем Нептунову,
и зрим
Циклопов, Сциллу, Ад, Цирцею, Навзикаю,
И множество иных чудес.

Готов ли ты? — теперь пойдем к другому
храму
Сумрачным переходом сим,
Который лишь одна лампада освещает;
Здесь строга Критика имеет свой престол
И лже и истине границу полагает.

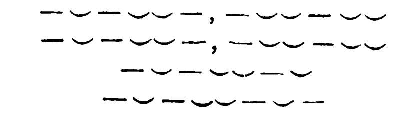
Ты был поэтом, — будь философом теперь!
На сих висящих дсках добро и зло
читая,
Предметы избирать из них себе умей.
Великих и святых изобрази людей,
Которых победить не может участь злая.
Искусной кистию своей
Яви добро и зло в разительных
контрастах:
В страдальцах истины прекрасная душа
Сквозь всякую б черту наружу проницала;
Сократ беседует с друзьями, смерть пия;
Правдивый Аристид свое изгнанье пишет;
Идет обратно Регул в плен,
И верен истине Тразеа умирает.

А в недрах роскоши, среди богатств,
честей,
Тиранов льстец Дамокл, упоеваясь
счастьем,
Возвел кичливый взор, но, видя над собой
Меч остр, на волоске висящий, цепенеет.

Сколь благомыслящим утешно созерцать
Толь поучительны, толь сильные картины!
С Плутархом в них, мой друг, с Тацитом
нам являй
Величие и низость смертных
И душу зрителей к добру воспламеняй.

К А. Г. ВОЛКОВУ

В декабре 1802 года

Волков, милый певец! что ты молчишь теперь?
Ты своею давно анакреонскою
Лирой нас не пленяешь,
И Парнасских не рвешь цветов!
Что ты, друг мой, молчишь, точно как летние
Птички зимней порой? или под бременем
Тяжкой скуки страдаешь,
Спутан сетью забот лихих?
Сбрось их, юноша, с плеч! жить независимо
Должен тот, кто любим чистыми Музами:
Должен жить-наслаждаться,
И нетщетно в груди питать
Огнь, влиянный в него небом на то, чтобы

Жар свой в ближних сердца, свет свой в умы их лил.
Востоков! о, посети же
Круг приятный друзей твоих.
С ними можешь забыть всё, что крушит тебя;
Можешь перебирать резвыми перстами
Лиру, сладкие песни
Петь, любовь и весну хвалить!
Пусть Декабрь оковал воды, в снега зарыл
Луг, на коем цвели розы и ландыши —
Чаши налиты пуншем;
Щеки девушек лучше роз!

К СТРОИТЕЛЯМ ХРАМА ПОЗНАНИЙ

Вы, коих дивный ум, художнически руки
Полезным на земли посвящены трудам,
Чтоб оный созидать великолепный храм,
Который начали отцы, достроят внуки! —
До половины днесь уже воздвигнут он:
Обширен, и богат, и светл со всех сторон;
И вы взираете веселыми очами
На то, что удалось к концу вам привести.
Основа твердая положена под вами,
Вершну здания осталося взнести.
О, сколь счастливы те, которы
довершенный
И преукрашенный святить сей будут храм!
И мы, живущи днесь, и мы стократ
блаженны,
Что столько удалось столпов поставить нам
В два века, столько в нем переработать
камней
Всему удобную, простую форму дать:
О, наши статуи украсят храм познаний,
Потомки будут нам честь должну воздавать!
Как придут жертвовать в нем истине
нетленной
И из источников науки нектар пить,
Рекут они об нас: «се предки незабвенны,

Которы тщилися сей храм соорудить;
Се Галилей, Невтон, Лавуазье, Гальвани,
Франклин, Лафатер, Кант — бессмертные умы,
Без коих не было б священных здесь собраний,
Без коих долго бы еще трудились мы».
И так, строители, в труде не унывайте
Для человечества! — Уже награды вам
Довольно в вас самих, но бóльшей уповайте;
Готовьтесь к звездным вы бессмертия венцам!

ОТКРОВЕНИЕ МУЗЫ

Отверзлась горняя богов обитель,
Отверзлась оку моему,
И пренебесного сиянья
Поток рассеял тьму.

Простершись лествицей ко мне огнистой,
По коей спешно нистекла
Глубокомысленная Муза,
И тако мне рекла:

Воздвигнись, ревностный служитель Феба!
Сию гитару приими
Из рук моих, и вдохновенный
На ней пеан греми;

Зане услышано твое моленье
Во сонме светодарных сил:
Прозрели дух твой, неба алчущ,
И Зевс благоволил,

Да не затворится Олимп блаженный
Видению твоих очес,
И да всегда с тобой пребуду,
Посланница небес.

Не бо возможет мной руководимый
О камень зла ноги преткнуть;
Эфирными ему цветами
Устелют *Оры* путь.

Хотя же строгая судьба отъемлет
От уст твоих витийства дар,
Создав тебя косноязычным;
Но чувств сердечных жар

Тем с большей силою да воскресает
В размере сладостных стихов:
Язык тебе не додан смертных,
Но дан язык богов!

НА СМЕРТЬ ВОРОБЬЯ

(Подражание Катуллу)

Тужите Амуры и Грации,
И все, что ни есть красовитого!
У Дашиньки умер воробушек!
Ее утешенье, — которого
Как душу любила и холила!
А он — золотой был; он Дашу знал,
Ну точно как дитинька маминьку.
Бывало не сходит с коленей он
У милой хозяюшки, прыгая,
Шалун! то туда, то сюда по ним,
Кивая головкой и чикая.
Тепере воробушек в тех местах,
Отколе никто не бывал назад.
Уж этот наш старый Сатурн лихой,
Что все поедает прекрасное!
Такого лишить нас воробушка!
О, жалость! о, бедной воробушек!
Ты сделал, что глазки у Дашиньки
Краснехоньки стали от плаканья!

ОДА ВРЕМЕНИ
1805

Мудрейший из богов, на коего всегда
Надежда смертного незыблема, тверда!
Тебе во сретенье все помыслы готовят,
Тебя объятия и взоры ловят,
Как только вечности через высокий праг
Занее ты первый шаг!

Все ждут, чтоб ты им *быть* и *жить*
благословил.
Младенец требует к развитью жизни сил;
Цветущий юноша рад ею наслаждаться;
Муж опытный — плодом обогащаться;
А старцу бы почить по трудностях
пути, —
Тебе предел найти.

О время! истине божественной отец!
О! вечного добра и сеятель и жнец,
Трудись над жатвою твоею, над
вселенной,
Но к нам в сопутстве дщери
вожделенной
Приди! врагов ее — неправосудье ложь —
Развей и уничтожь!

Противустать тебе какое может зло?
Хотя бы тяжестью Кавказа нас гнело:
Ты приспеваешь к нам, судьбою уреченно,
И — сердце наше стало облегченно,
И там где мрак в очах, сжимая где
душу лед, —
Элизиум цветет! — —

Но если, сын небес, от оных ты приял
Росой забвения наполненный фиал,
Истнить все суеты, все скорби и печали:
О, чтоб тому ж забвенью не подпали
И добрых доблести, и мудрых сладка
речь —
Сии потщись сберечь!

Да озарят они еще и поздний век:
Свою изящность в них да узрит человек;
Учась Катоновым и Брутовым примером,
Играя с Ариостом и Гомером,
Да будет между тем он кротко сам влиян
Гармоний в океан!

Туда все существа, о Время, ты ведешь;
И богомысленный вселенныя чертеж
Свершается чрез то: от зла добро родится,
Из бедствий нам блаженство учредится.
И так: по розам ли, по тернию ль
твой путь —
Благословенно будь!

ОДА СЧАСТИЮ

Ж. Б. Руссо

Дающая успех развратнейшим злодеям,
Фортуна! долго ли ты будешь ослеплять
Сим ложным блеском нас, что вкруг тебя
рассеян?
Доколе нам твоих кумиров почитать
Служением бесчестным и бесплодным?
И прихотей твоих наряд
Всегда ли будет добр и свят
Перед лицом народным?

И худшие твои дела мы обожаем,
Когда венчает их удача — всё тогда
Велико, славно в них; пороки называем
Мы добродетелью изящной, без стыда. —
Тебе бы лишь служили в угожденье;
Любимец есть для нас Герой:
И самый недостойный твой
В таком мы заблужденьи!

Но сколько-б титлами ни славились своими
Очами разума вблизи их разобрав,
Сих доблественных мужей, увы! найдем
какими?

Безумцы, гордецы, презрители всех прав,
Неистовы, коварны и жестоки —
Вот доблесть странная, где все
В едином собраны лице
Гнуснейшие пороки!

Премудрость истинных Героев совершает,
И зрит с высот своих, колико низки те,
Которых только длань Фортуны
возвышает;
Ниже завидует, что рок, по слепоте,
Дарит победы им несправедливы:
Они, при всех своих делах,
Нередко суть в ее очах
Разбойники счастливы.

Что? — в страхе всю когда Италию
представлю,
Весь Рим в крови — добром я Силлу
помяну!
И Македонского за то царя прославлю,
За что я Аттилу, как варвара, кляну?
Приму я храбрость ту за добродетель,
Что в грудь мне хладно меч вонзит?
И должен я того хвалить,
Кто общих бед содетель?

Какие видим мы черты в бытописаньях,
Завоеватели свирепые, о вас?
О дерзких замыслах, обширных
начинаньях —
Законных здесь царей престол тиран
потряс,

Опустошает ратник сел обилье,
Огнем стремится грады стерть —
Там стар и млад приемлют смерть,
Там жен и дев насилье.

О, неразумные! о, сколь мы слепо судим,
Когда уже сии нас подвиги дивят;
Ужели царь велик в уничиженье людям
И только ль славе он, вредом гремящей,
рад,
Что грабежом себе, убийством стяжет?
Сей образ на земле богов
Одним ли верженьем громов
Свою нам мочь окажет?

Но пусть бы не было без ратных дел
возможно
И без трудов стяжать едину, прочну
честь, —
Скажите, кто свои победы мог неложно
К искусству своему и к храбрости отнесть?
Кому случайность тут не помогала?
Неопытен, строптив Варрон
Навлек Эмилию урон,
Прославил Аннибала.

Кому же истое припишем мы геройство,
И слава, собственно, кому принадлежит?
Царю, в ком правота и мир суть сердца
свойство,
Который подданных блаженством дорожит;
Льстецов тенетами неуловленной,
Прямой Отечества отец,

Приемлет Тита в образец
К щедроте ежедневной.

Пусть тот, кто в храбрости всю добродетель ставит,
Сократа мудрого вообразит царем,
Что вместо Клитова убийцы царством правит:
Примерный царь — не царь, но бог сиял бы в нем,
Который осчастливит милионы;
Но сколько бы, напротив, мал
На Сократовом месте стал
Завоеватель оный!

Престаньте ж, витязи, хвалиться тщетным видом
Лавровых сих венцов, на них же кровь и прах!
Тиран, сообщник хитр Антонию с Лепидом,
Вотще-б рассеевал по всей вселенной страх:
Он Августом отнюдь бы не нарекся,
Когда-б, в противность прежних дел,
О правде он не порадел
И в милость не облекся.

На опыте свою всю силу окажите,
О пресловутые, геройские главы!
Измену счастия, не изменясь, сдержите!
Пока оно вам льстит, дотоле мочны вы!
Но в малом чем запнет вас рок противен —

Личина сорвана долой,
Исчез блистательный герой,
И слабый смертный виден.

Тому немногое усилие довлеет,
В завоеватели кто хочет быть включен;
Но тот, кто побеждать и самый рок умеет,
Заслуживает быть Великим наречен.
Ничто его достоинств не отъемлет;
Тивериевых шум побед
И Варуса постигший вред
Он без смятенья внемлет.

В несчастьи никогда дух бодрый не теряя,
А упоение благополучных дней
Всегда спасительной боязнью умеряя, —
Биемый вихрем бед, он глубже и сильней
Во добродетели укоренится.
Фортуна может нас забыть,
Но мудрый должен твердым быть:
Судьба переменится.

Вотще Енею зло Юнона умышляла:
Премудрость! ты ему покров необорим;
Его потомков ты в несчастьях укрепляла,
Доколе наконец победоносный Рим
Пунически сверг стены в прах —
сторицей
Своих Героев смерть отмстил
И тамо лавры возрастил,
Где были кипарисы.

К ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Эпиграмма из Антологии

Милая скляночка, свет-долгошейка,
с круглою душкой,
Ты, что столько крат тешила в жизни
меня.
Бахусу, Музам всем и даже любови радела,
Шепчущей свахой мне, верной
услужницей быв.
Добрая склян... ба! да что ты, дружок
мой? я как грузен стал,
Ты тут стала легка — эдак ли дружно
живут?

К ЗИМЕ

В ноябре 1808 года

Приди к нам, матушка зима,
И приведи с собой морозы!
Не столько их нам страшны грозы,
Сколь сырость, нерешимость, тьма,
В которых гнездится чума!
А от твоих лобзаний розы
У нас взыграют на щеках,
Из глаз жемчужны выжмешь слезы.
Положишь иней на висках,
И мы — как в сребреных венках.

Ах, долго ли нам грязнуть в тине
И мороситься под дождем?
Ноябрь у нас уж в половине:
Тебя теперь мы, зиму, ждем.
Приди, сбери в морщины строги
Умяклое лицо земли
И на святой Руси дороги
Пушистым снегом устели,
Чтоб наши радовались ноги.

Неву и Бельта воды бурны,
В которых, нынешней порой,
Не виден неба свод лазурный,
И Феб на кои взгляд понурый

Бросает, лучше ты покрой
Своей алмазною корой!

И дай нам странствовать по суху
Над пенной хлябию реки;
Подставив под ноги коньки,
Крылатому подобно духу,
Не уступать в бегу коням,
Катиться легким вслед саням,

Саням, усаженным четами
Младых красавиц, в соболях,
Под пурпуровыми фатами.
Они на новых сих полях
Явятся новыми цветами,
Чтоб царство украшать зимы;
И с ними не озябнем мы!

Дохни, Борей, на нас сурово
И влажный осуши эфир.
С тобою Русакам здорово.
А ты, обманчивый Зефир,
Что веешь к нам с Варяжска моря!
Ты нам теперь причиной горя:
Ведь дождь и слякоть от тебя;
Поди ж и дуй своим Поэтам
Которы, и зимой и летом
Тебе похвальну песнь трубя,
Бесстыдно лгут пред целым светом.

Теплу и стуже время есть.
И то нам и другое в честь.
Не Итальянцы мы, не Греки,
Которым наших зим не снесть,

У коих не живут и снеги.
Они пусть хвалят злак лугов,
Журчащих ручейков прохладу,
И жизнь невинных пастухов,
И собиранье винограду:
Не чужды нам забавы их,
Но знают ли они отраду
Трескучих зимушек лихих?

Как под снегами зреет озимь,
Так внутрення в нас жизнь кипит,
И члены ко трудам крепит.
Доколе бодрость в нас не спит,
Мы рук и ног не отморозим.
И Русских удалых сынов
Так не обидела Природа,
Чтоб им и помощь и покров
Не дать от колких мразов Норда.
В лесах надолго станет дров.
И есть полезны там соседи:
Лисицы, волки и медведи —
Для теплых шуб обильный лов!
С куниц и с соболей пужливых
Драгие мехи совлекут.
Дубравы целые ссекут
Для топли изб гостелюбивых.

И если не ущедрил Вакх
Студеный край наш виноградом,
Довольны Русским мы *Усладом* [1]
При добрых брагах и медах!

---

[1] Славянский бог пиршеств. (*Прим. Востокова*).

ГИМН НЕГОДОВАНИЮ

(С Греческого)[1]

Крилатое Негодованье!
Строгоочита Правды дщерь!
Жизнь смертных на весы кладуща,
Ты адамантовой своей уздою
Их бег порывистый умерь!

Не терпишь ты гордыни вредной
И зависть черную жене́шь,
А счастию, — отцу гордыни,
Таинственным твоим, вечнобегущим,
Превратность колесом даешь!

---

[1] У Греков обоготворяема была **Немезис**, т. е. **Негодование**, возбуждаемое в нас всяким неправедным, гордым, обидным для человечества поступком. Богиня сия изображалась иногда с крыльями, приподнимающею покров на груди своей, с опущенным на оную взором; или пригнувшею локоть свой ко груди, как бы для вымеряния чего оным; или имеющую у ног своих колесо, а в шуйце узду; или же держащею в руке колесо, працу, узду и ветвь древесную. Почти все сии различные изображения Немезы соединены в сем гимне, сохранившемся до нас с другими отрывками Греческой поэзии. Сочинителем оного почитается некто **Мезомид** [точнее: Месомед—греческий поэт-лирик II века]. См. Brun[c]k. „Analecta veter[um] Poëta[rum Graecor[um]", tom II [4-е изд. 1785, стр. 292]. *(Прим. Востокова).*

Невидимо следя за нами,
Смирительница гордых вый,
Склонив свои зеницы к персям,
Не престаешь неложным мерять локтем
Удел комуждо роковый.

Но и смягчись к проступкам смертных,
Судяще жизнь их правотой,
Крилатое Негодованье!
Тебя поем, тебя мы ублажаем
С подругою твоей святой,

Со Правосудьем грозномстящим!
Его же приближенье к нам
На крыльях, шумно распростертых —
Смирит и гордость, и негодованье:
Ему послушен Тáртар сам!

К ГАРПОКРАТУ

Ода немого

Священный бог молчанья,
Которому, увы! невольно я служу,
Несчастлив я и счастлив,
Что на устах моих твою печать держу:
Несчастлив, коль безмолвен
В беседе с добрым я и с умным. Ни излить
Пред ним советно мысли,
Ни время с ним могу приятно разделить!
Язык имея связан,
Истолкователя сердечных чувств и нужд,
Я должен, сжавши сердце,
Полезных многих дел и радостей быть чужд,
Которыми владеет
Последний из людей, когда он получил
Божественный дар слова,
Сего слугу ума и движителя сил.
Но мне, его лишенну,
Роптать ли и других завидовать судьбе?
Нет, я не мене счастлив,
Что скрыться иногда могу в самом себе,
С тобою, бог молчанья!

Когда злословием бываю оглушен,
И диким пустословьем,
О радость! отвечать я им не принужден.
Могу лишь помаваньем
Главы иль знаками отделаться от них,
Ни в спорах бесполезных,
Ниже часы губя в учтивостях пустых.
И от пороков многих,
Молчанья строгий бог, меня ты оградил;
Я по неволе скромен,
Смирен и терпелив. Во мне ты притупил
Сей, обоюду острый,
Опасный меч, — язык. Ах! может быть во зло
Он был бы мне и ближним?
Твое хранение меня от бед спасло.
Из сети искушенья
Не ты ли, отрока, меня еще извлек
И в сень уединенья
Принес и чистых Муз служению обрек?
Священный бог молчанья,
Которому, увы! невольно я служу,
Несчастлив я и счастлив,
Что на устах моих твою печать держу!

НАДЕЖДА
(Из Гете)

Молюсь споспешнице Надежде:
Присутствуй при трудах моих!
Не дай мне утомиться прежде,
Пока я не окончу их!

Так! верю я, что оправдится
Твой утешительный глагол:
Терпенье лишь — труд наградится;
Безветвенный отсадок гол
Даст некогда плоды и листьем осенится.

К ДРУЗЬЯМ

О чем я в юности мечтал,
Ведом надеждою отрадной,
Что наконец и опыт хладной
Иль опроверг, иль оправдал, —
Найдете здесь изображенным,
И возвратитесь вы со мной
К дням беззаботным и блаженным,
Когда мы зрели мир иной.

Всегда ль умнее мы с летами?
Поверьте: мудрость любит жить
И меж весенними цветами;
И муза может нас дружить
С судьбой, столь часто к нам жестокой.
И может истины высокой,
Играючи, завесу вскрыть!

МАРКО-КРАЛЕВИЧ В ТЕМНИЦЕ

На всем тебе хвала, милый боже!
Каков бывал удалых вождь — Марко!
И каков он теперь во темнице,
Во темнице Азацкой, в проклятой!
Темница — жилище необычно:
Во темнице вода по колено,
А по пояс кости человечьи.
Туда ходят змеи, скорпионы:
Приползут змеи высосать очи,
Залить ядом лицо скорпионы;
До колен отпадут резвы ноги,
До рамен молодцу белы руки.

Вопит Марко несчастный в темнице,
Вопит жалобно, гласно взывает.
Смотрит Марко на площадь Азацку,
Не увидит ли кого своих там:
Никого-таки своих не видит,
А увидел красную девицу,
Милу дочь краля земли Азацкой.
Он сестрой девицу называет,
Просит, молит ее бога ради:
«Будь сестрой мне, кралева девица,

Подойди к темничному окошку!»
Девица вняла его моленью,
Приняла его по богу братом,
Подошла к темничному окошку.
Он тогда ей говорил тихонько:
«Отнеси, о кралева девица,
Своему отцу, кралю в Азаке,
От меня поклон с приветом добрым!
Я прошу его истинным богом
Меня выпустить из злой темницы
На веру и на честное слово,
На поруку истинного бога;
Я съездил бы до Прилипа града,
Привез бы я выкупу немало,
Вьюков двадцать, — честью уверяю.
Если же он слову не поверит,
Пусть, хотя в железа заковавши,
Меня выпустит из злой темницы;
Отпишу я к матери, к родимой
Во Прилип град; пришлет она выкуп;
А в темнице жить мне невозможно».
Те услышавши речи, девица
Ко отцу пошла в чертог Дивана,
Когда вышел краль держать Диван свой.
Спрашивал девицу краль Азацкий:
«Что, скажи мне, дочь моя любезна,
Привело тебя сюда? Не стало ль
Шелку, бархату, белого полотна ли,
Золота ль, тонких ли сукон хороших,
Кроеных, иль еще некроеных?»
В ответ ему красная девица:
«О родитель мой, краль во Азаке!
Всего в теремах твоих довольно,

Не имею ни в чем недостатка.
Я несу тебе поклон с приветом
От узника, кралевича Марка.
Выпусти его из злой темницы
На веру и на честное слово,
На поруку истинного бога!
Ему съездить до Прилипа града,
Привезти бы выкупу немало,
Вьюков двадцать — так он уверяет.
Если ж слову его не поверишь, —
Заковав хоть в тяжкие железа,
Выпусти его из злой темницы!
Он в Прилип град к матери отпишет,
За него б она прислала выкуп».
То услышав, краль земли Азацкой
Во ответ девице молвил гневно:
«Ты не дочь мне, бесстыдная сука!
Видно с ним ты, сука, подружилась!
Но клянусь я великою клятвой:
Не выпущу Марка из темницы;
Держать его в ней будут лет девять,
Пока змеи ему не высосут очи,
Не источат лицо скорпионы,
До колен отпадут ему ноги,
До рамен молодцу белы руки.
Когда все это вытерпит Марко,
Без выкупу его отпущу я:
Пущу его по улице нищим,
Чтоб кормился мирским подаяньем».
Получив такой ответ, девица
Пошла к Марку и отцовы речи
До слова ему пересказала.
Весть услышав ту, Марко кралевич

Вопит жалобно, гласно взывает
И опять говорит он девице:
«Будь сестрой мне, кралева девица,
Принеси мне чернил и бумаги:
Я намерен писать в Прилип град.
Отпишу я матери родимой:
Города и земли продала бы,
Продала б, на церкви отдала бы
И сама о себе промышляла б;
А жене моей верной дам волю,
Выходила б замуж за другого;
А сестре моей милой прощанье,
Чтоб лихом меня не поминала,
Что пропал я, сгниют мои кости
Во Азацкой темнице, в проклятой».
Принесла ему чернил и бумаги.
И он граматку скорописную пишет.
Не туда, куда сказывал, пишет:
Он за море пишет, в Солунь град,
К Дойчилу, к названому брату:
«О Дойчило, братец мой названый!
В тяжкие попал я, братец, муки,
В тяжки муки, в Арабские руки.
Я в неволе, я сижу в темнице,
Во темнице Азацкой, в проклятой:
Избавь меня, выручи, как знаешь!»
И он сизого сокола кличет:
«Сослужи мне службу, сизой сокол,
Слетай с граматкою во Солунь град,
К Дойчилу, ко названому брату,
Чтоб избавил меня из неволи».
Принял грамату сокол, и мигом
По поднебесью взвился до облак.

Прилетел ко граду Солуню
Утром рано, в святую неделю,
В те часы, как господа солунски
Все находилися в белой церкви
У заутрени и у обедни.
На белу церковь сокол спустился,
Голос дал и жалобно прокликнул.
Признает воевода Дойчило
Его голос знакомый, выходит
Немедленно из белыя церкви,
На серебреный стул свой садится;
К нему сизый сокол подлетает,
Из-под крыла грамату роняет.
Взял, прочел ту грамату Дойчило,
Рукой себя ударил по колену:
«Ах, брат мой, ах, Марко кралевич!
Тебя тяжкие муки постигли,
И от них избавление трудно!»
Потом начал он думушку думать,
Что начать ему! Одно придумал:
Чернит себе лицо черной краской,
Себя делает черным Арабом;
Коня доброго, Бурка, седлает,
Едет прямо ко граду Азаку.
Доскакав до Азацкого поля,
Разъярил он ретивого Бурка,
Добрый конь дает скоки крутые:
В ширину сягал аршин двенадцать,
Во длину хватил двадцать четыре,
В вышину три копья богатырских —
— — — — — — — — — — —
— — — — — — — — — — —

СТРОЕНИЕ СКАДРА[1]

Город строили три брата родные,
По отечеству Мрлявчевичи братья;
Один был брат Вукашин краль,
Другой Углеша воевода,
А третий Мрлявчевич Гойко;
Город строили Скадар на Бояне.[2]
Строят три года, мастеров триста,
И не могут складть основанья,
А того меньше города построить.
Что в день они выведут строенья,
То все Вила[3] за ночь разрушит.
Уж когда наступил год четвертый,
Тогда с гор провещилась Вила:
«Ты не мучь себя, Вукашин краль,
И не трать казны понапрасну;

---

[1] Из сербских народных песен. Кн. II, № 5.

[2] Скадар — Сербское название города Скодры или Скутари в Албании. Бояна — имя реки.

[3] Вила. Так называют Сербы баснословное существо, подобное нашей Русалке. Вилы живут на высоких горах и на прибрежных скалах. Их воображают молодыми, прекрасными, одетыми в тонкое, белое платье. Долгие их волосы распущены по плечам и по груди. Они не делают зла никому, разве только кто их оскорбит (наткнувшись на их хоровод и т. под.); того они убивают стрелами. *(Прим. Востокова).*

Не скласть тебе, кралю, основанья,
А того меньше города построить,
Пока не найдешь ты приличных
Два имени: Стою и Стояна;
Чтоб были то брат и сестрица.
Когда их заложишь в основанье
Под башню, — тогда будет твердо,
И тогда ты выстроишь город».
Как услышал то Вукашин краль,
Призывает он слугу Десимира:
«Десимир, мое чадо дорогое!
Ты был мне верным слугою,
Отныне зову тебя сыном:
Бери, сын мой, коней и колымагу,
Бери с собой сокровищ шесть вьюков,
Поезжай по белому свету
Искать два имени приличных,
Отыскивать Стою и Стояна,
Чтоб были брат и сестрица;
И похитишь ли их где, или купишь,
Привези их к Скадру на Бояну —
Заложить под башню в основанье:
Авось либо будет оно твердо,
Авось либо выстроим мы город!»
То услышав, Десмир поспешает,
Берет коней и колымагу,
Берет с собой сокровищ шесть вьюков,
И едет по белому свету
Искать два имени приличных,
Отыскивать Стою и Стояна.
Он целые три года ищет;
Не нашел приличных имен двух,
Не нашел он Стои и Стояна.

И вернулся к Скадру на Бояну.
Отдает кралю коней и колымагу,
Отдает ему сокровищ шесть вьюков:
«Вот, краль, твои сокровища обратно,
Не нашел я приличных имен двух,
Не нашел я Стои и Стояна».
Как услышал то Вукашин краль,
Он позвал опять зодчего Рада,
Тот работников своих трех сот,
И опять строят Скадар на Бояне.
Что построят, то Вила разрушит,
Не даст положить основанья,
А того меньше города построить.
Тут опять с гор провещалась Вила:
«Эй, не мучь себя, Вукашин краль!
Не трать казны понапрасну:
Тебе не складсть основанья
А того меньше города построить;
Но вас трое братьев, и каждый
Имеет свою верную любу;
Чья выйдет утром на Бояну
И вынесет работникам завтрак,
Ту под башню в основанье закладите:
И будет твердо основанье,
И вы состроите город».
Как услышал то Вукашин краль,
Призвал он братьев родимых:
«Вы слышали ль, братья дорогие,
Что Вила с гор провещает:
Мы тратим казну понапрасну,
Не дает Вила складсть основанья,
А того меньше города построить;
И что она еще объявляет:

Нас трое братьев, и каждый
Имеет свою верную любу;
Чья выйдет утром на Бояну
И вынесет работникам завтрак,
Ту под башню нам закласть в основанье,
И будет основание твердо,
И мы тогда город сострoим.
Дадим же слово верное друг другу,
Не сказывать о том нашим любам,
А лучше оставим на удачу,
Чьей жене роковой будет выход!»
И дали в том слово друг другу.
Домой пришли вечером поздно,
И после господской трапезы
Всяк с женой опочить удалился.
Но послушайте великого чуда!
Вукашин краль слово нарушил;
Он первый открыл своей любе:
«Берегись, моя верная люба,
Выходить завтра утром на Бояну
Выносить работникам завтрак!
Пойдешь — свою голову погубишь!
Закладут тебя под башню в основанье».
И Углеша слово нарушил,
И он объявил своей любе:
«Смотри, в обман не вдавайся,
Не ходи завтра утром на Бояну
Выносить работникам завтрак:
Пойдешь, моя милая, погибнешь,
Закладут тебя под башню в основанье».
Млад Гойко слова не нарушил.
Ничего он не сказал своей милой.
На утро раным раненько

Встают братья, выходят на Бояну,
Туда, где строится город.
Вот пора уже нести завтрак.
Госпожи была очередь кралицы,
А она говорит своей невестке,
Невестке, Углешиной любе:
«Невестушка, мне неможется что-то,
Голова болит, итти я не в силах.
Снеси-ка ты работникам завтрак!»
Жена Углешина ей отвечает:
«Ах, невестушка, госпожа кралица,
У меня рука болит, не в мочь мне;
Попроси младшую невестку!»
Она просит младшую невестку:
«Невестушка, Гойковица, свет мой!
Голова болит, итти я не в силах.
Снеси-ка ты работникам завтрак».
Но Гойкова жена молодая
Представляет ей свои недосуги:
«Матушка, госпожа кралица,
Я охотно б тебе услужила;
Дитя глупое у меня не обмыто,
Да и белое не выстирано платье».
«Ничего!», говорила кралица,
«Ты снеси только работникам завтрак,
А я твое выстираю платье,
Невестка дитя твое обмоет».
Нечем Гойковой жене отговориться.
Понесла она работникам завтрак.
Как пришла на реку, на Бояну —
Увидал ее Мрлявчевич Гойко.
Разгорелось в нем ретивое сердце;
Жаль ему верныя любы,
Жаль ему дитяти в колыбели;

Дитяти месяц только минул!
У молодца выступили слезы.
Приметив то, жена молодая
К нему кроткой поступью подходит
И тихою речью вещает:
«Что сталось тебе, милому другу?
О чем ты слезы роняешь?»
Отвечает ей Мрлявчевич Гойко:
«О горе мне, моя верная люба!
У меня было яблоко золотое;
Оно пало сегодня в Бояну:
О том плачу я, о том не утешусь!» —
«Не кручинься», говорит она мужу,
«Тебе бы только бог дал здоровье,
Собьешь себе яблоко и получше».
Тогда жалость им пуще овладела,
И он в сторону сам отвернулся,
Чтоб больше не видеть своей милой.
А другие два брата подскочили,
Два деверя Гойковой молодицы;
Ее взяли за белые руки,
Повели на закладку основанья.
Они кликнули зодчего Рада;
Тот своих работников сзывает.
Но смеется тому молодица;
Она думает: шутку с нею шутят.
Поставили ее на закладку,
И все триста работников разом
Прикатили каменьев и бревен,
Обложили ее до колена.
Еще-таки смеется молодица,
Еще думает, что всё с нею шутят,
Но те свое дело продолжают:
Нанесли каменьев и бревен

И до пояса ее обложили.
Гнетут ее каменья и бревна.
Тогда видит, что ей бедной готовят,
И завопила жалобным воплем.
Умоляет она деверьев милых:
«Не давайте, если бога боитесь,
Закладывать каменьем молодую!»
Умоляет, но все бесполезно;
Деверья на нее и не смотрят.
Уже ей не до стыда и зазора.
Обращается к мужу и просит:
«Не давай меня ты, милый друг мой,
Закладывать каменьем молодую!
Пошли к моей матушке старой;
У матушки довольно богатства:
Пусть купит тебе раба или рабыню,
Чтоб под башню заложить в основанье».
Умоляет, но все безуспешно.
Как увидела злосчастна молодица,
Что все ее просьбы напрасны,
Обращается она к зодчему Раду:
«Будь мне братом по богу, о зодчий!
Оставь для грудей моих оконце,
И высунь мои белые груди:
Принесут как если младенца,
Моего несчастного Иову,
Пососал бы дитя моей груди».
Исполнил то желание зодчий,
Оставил для грудей ее оконце,
И высунул ее белые груди, —
Принесут когда бедного Иову,
Пососал бы дитя ее груди.
Опять зодчего бедная просит:
«Будь мне братом по богу, о зодчий!

Оставь еще для глаз моих оконце,
Чтоб глядеть, как из дому будут
Приносить ко мне Иову младенца,
И прочь относить когда будут».
И то зодчий желанье исполнил:
Оставил для глаз ее оконце,
Чтоб глядела, как из дому будут
Приносить к ней Иову младенца,
И прочь относить когда будут.
И так ее в стену заградили.
Приносят дитя из колыбели,
Она грудью его кормит с неделю,
Чрез неделю голос потеряла.
Но младенца еще грудь ее питала;
Целой год его той грудью кормили.
Как тогда было, так и осталось;
Молоко отголь течет и поныне
Для чуда и для исцеленья.
У которой жены молока нет.[1]

[1] Издатель Сербских песен, Вук Стефанович, замечает, что между земляками его носится молва, будто бы и поныне из того окошка, где продеты были сосцы, течет какая-то жидкость, сгущающаяся по стене в виде известки. Ее носят при себе, и, разведенную водою, пьют женщины, у коих нет молока или у коих болят сосцы. *(Прим. Востокова)*.

ЖАЛОБНАЯ ПЕСНЯ БЛАГОРОДНОЙ АСАН-АГИНИЦЫ[1]

Что белеется у рощи у зеленыя?
Снег ли то или белые лебеди?
Кабы снег, он скоро растаял бы;
Кабы лебеди были, улетели бы прочь.
Не снег то, не белые лебеди,
А белеется шатер Асан-Аги,
Где он лежит тяжко раненый.
Его мать и сестра посещали там;
Молода жена притти постыдилася.
Когда легче ему стало от тяжких ран,
Он послал сказать молодой жене:
«Не жди меня больше в дому моем,
Ни в дому, ни во всем роду-племени»!
Вняла жена таковы слова;
Стоит, цепенея от горести;
Вдруг конский топот заслышала:
Взметалась жена Асан-Аги,
Чтоб с башни из окна ей низринуться.

---

[1] Из первого издания Сербских песен: Мала простонароднья Славено-Сербска песнарица, у Виени 1814, стр. 11 . — Мы употребили здесь Русский сказочный размер с дактилическим окончанием. *(Прим. Востокова)*.

Бегут к ней две милые дочери:
«Постой, не мечися матушка,
То едет не отец Асан-Ага,
Едет дядя Пинторович Бег».
Успокоилась тогда Агиница,
Обнимает брата с горькой жалобой:
«Ах, братец, какое посрамленье мне!
Выгоняют меня от пятерых детей!»
Промолчал, ничего не промолвил Бег,
Только, вынув из сумы из шелковыя,
Подает ей грамату разводную,
Чтоб в материн дом возвратилася,
За другого замуж выходила бы.

Когда прочла жена грамату,
С детьми она распрощалася.
Целует в чело сыновей двоих,
Дочерей в ланиты румяные,
А с маленьким сынком в колыбели, с тем
Не могла расстаться. Брат отвел ее
Насильно. Посадил на коня с собой,
И отвез сестру в дом родительский.

Мало время пробыла она на родине,
Мало время, всего и недели нет.
Жена добрая она, рода доброго,
Посватались к ней со всех сторон,
И сам Кадий великий Имошский.
Только стала она брата упрашивать:
«Коли любишь меня, братец прошу тебя,
Не моги меня ни за кого отдать,
Чтоб сердце не расторглося злой тоской,
Когда увижу сирот своих».

Но брат не уважил мольбы ее,
За Имошского отдал ее Кадия.

Тут просила она брата пред свадьбою
К жениху послать письмо в таковых словах:
«Молодая желает тебе здравствовать
И умильно просит тебя граматой,
Как приедешь за нею с поезжанами,
Ты привез бы покрывало ей — завеситься
На дороге, мимо двора Аги,
Чтоб не видела она сирот своих».

Получивши Кадий ту грамату,
Собирает сватов в поезд свадебный,
К двору едет с ними к невестину.
Счастливо туда они прибыли
И отправились с невестой в обратный путь.

Когда ехали мимо двора Аги,
Из окна ее увидели две дочери,
Два сына вышли на встречу к ней:
«Зайди к нам, милая матушка»,
Говорили ей, «сядь с нами поужинать»!
Слыша речи те, Асан-Агиница
Старейшине сватов взмолилася:
«Будь по богу мне братом, старейшина!
Вели остановиться здесь поезду,
Мне подарочки раздать сиротам моим».
Коней остановили супротив двора.
Раздала детям подарки хорошие:
Сыновьям двоим сапожки, шиты золотом,
Дочерям по куску сукна некроена,
А маленькому сыну колыбельному
Посылает одяльце шелковес.

Глядел удалый Асан-Ага,
Отозвал детей назад к себе:
«Подите ко мне, сироты мои,
Мать безжалостна к вам, с сердцем
каменным!»
Когда то услышала Агиница,
Лицом белым о сыру землю ударилась,
И тогда же, от безмерныя жалости,
На детей взирая, предала свой дух.

ПРИМЕЧАНИЯ

К Фантазии.

Написано в июне 1798 г. *Геспериды* — по греч. миф. — богини, жившие на чудесном острове в прекрасном саду. *Промефей* — Прометей. *Астрея*—по греч. миф.— исполнительница приговоров богини правосудия Немезиды. *Сен-Пьер* (1658—1743)— французский аббат, публицист, один из виднейших «просветителей» первого поколения, автор «Проекта вечного мира» (1713—1717), в котором предлагалось, с целью прекращения разорительных войн, организовать всемирную федерацию республик, управляемую верховным международным судом. *Армида* — героиня поэмы итальянского поэта Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим», — волшебница, влюбленная в героя поэмы Ринальдо, которого она удерживает своими чарами на далеком острове в волшебном саду.

Зима.

Написано в ноябре 1799 г. Посвящено художнику Ивану Алексеевичу *Иванову* (1779—1848). Иванов был товарищем Востокова по Академии художеств и одним из самых близких его друзей в последующие годы.

Тленность.

Написано в апреле 1800 г. Посвящено памяти Александра Дмитриевича *Фуфаева* (1778—1800), скульптора, товарища Востокова по Академии художеств (его же памяти посвящено стихотворение «Видение в майскую ночь» — см. стр. 68). *Презорных* — высокомерных, кичливых.

Осеннее утро.

Написано в октябре 1800 г. *Петел* — петух. *Сячется* — сочится, капает.

Ода достойным.

Написано 12 марта 1801 г. по случаю убийства Павла I (происшедшего в ночь на 12 марта). В своей «Летописи» Востоков записал: «12-го рано поутру, проснувшись, слышу о смерти Павловой. Радость... *Ода достойным*».

К Теону.

Написано осенью 1801 г. Посвящено вероятно кому-нибудь из товарищей Востокова по Академии художеств, но кто именно имеется в виду под именем Теона— неизвестно. В 5—9 строфах этого стихотворения описана гравюра Е. Скотникова с эскиза Дойена «Ветры подземные, напав на Цибелу, Матерь богов, хотят лишить ее царства». *Дойен*, Габриэль-Франсуа (1726—1806) — французский живописец. В начале буржуазной революции Дойен эмигрировал в

Россию и служил профессором Академии художеств. *Ванло*, Шарль-Андрэ (1705—1765) — французский живописец, ректор Парижской Академии художеств. *Давид*. Жак-Луи (1748—1825) — французский живописец, наиболее видный представитель живописной школы «революционного классицизма». *Гамадриада* — нимфа деревьев, по верованиям древних скрывавшаяся во пне.

Видение в майскую ночь.

Написано в январе 1802 г. Вымышленные классические имена друзей Востокова, к которым обращено стихотворение, расшифровываются следующим образом: *Флор* — Флор Филиппович Репнин (см. о нем ниже, стр. 145); *Клеант* — Иван Алексеевич Иванов (см. о нем выше, стр. 139); *Арист* — вероятно Иван Иванович *Теребенев* (1780—1815), известный скульптор и рисовальщик-карикатурист, товарищ Востокова по Академии художеств; *Филон*, памяти которого посвящено «Видение», — Александр Дмитриевич *Фуфаев* (см. о нем выше, стр. 140). В «Опытах лирических» стихотворение это было напечатано с подзаголовком: «Сафическим размером».

Светлана и Мстислав.

Написано в январе 1802 г.; впервые было напечатано с подзаголовком: «древний романс в четырех песнях» и с эпиграфом, взятым из изданного в 1804 г. сборника

былин и исторических песен, составление которого приписывалось уральскому казаку Кирше Данилову:

То старина, то и деянье,
Синему морю на утешенье,
Быстрым рекам слава до моря,
А добрым людям на послушанье,
Веселым молодцам на погудочки.

«Светлана и Мстислав» — одна из многочисленных в конце XVIII — нач. XIX вв. попыток создания русского «национального» повествовательного жанра, отразивших сложное влияние западноевропейского эпоса (преимущественно псевдонародных «песен Оссиана», сфабрикованных в 1760-х гг. шотландским поэтом Макферсоном), «волшебно-рыцарского романа» в русских переделках и подражаниях XVIII века, а также русской народной поэзии и псевдославянской мифологии, созданной уже в XVIII веке. Основным источником «Светланы и Мстислава» послужило «Слово о полку Игореве», изданное в 1800 г. На это издание ссылался сам Востоков в примечаниях к первому изданию «Светланы и Мстислава». Другим вероятным источником «богатырской повести» Востокова был популярный в его время десятитомный сборник «Русских сказок» В. А. Левшина (1780—1783). Что же касается псевдославянской мифологии, которой широко воспользовался Востоков в своей повести, то

создателями ее были М. Д. Чулков, автор «Краткого мифологического лексикона» (1757) и «Словаря русских суеверий» (1782) и М. В. Попов, автор «Описания древнего славянского языческого баснословия» (1768. 2-е издание 1772 г.) и сборников: «Древности славенские или приключения славянских князей» (1770—1771, 2-е издание 1778 и 3-е — 1794 г.) и «Вечерние часы, или древние сказки славян древлянских» (1787). Псевдославянской мифологией были насыщены также и «Русские сказки» В. А. Левшина. На книги Чулкова и Попова ссылается сам Востоков (см. стр. 75 наст. издания); в примечаниях к первому изданию «Светланы и Мстислава» он ссылался также и на «другие новейшие сочинения о сем предмете», имея в виду, очевидно, работы: А. С. Кайсарова «Versuch einer Slavishen Mythologie» (1804), изданную в русском переводе в 1807 г. («Славянская мифология») и Г. А. Глинки «Древняя религия славян» (1804). Из примечаний Востокова видно также, что в иных случаях он самостоятельно руссифицировал античную мифологию. *Лада* — слав. божество любви, мать Леля и Дида, *Владимир* — великий князь киевский Владимир Святославич (ум. в 1015 г.). *Мстислав Владимирович* (ум. в 1033 или 1034 г.) — сын князя Владимира, удельный князь Тмутараканский и Черниговский. *Чернобожьи* силы — Чернобог, согласно слав. миф., счи-

тался злым божеством, — в противоположность доброму божеству Белобогу, отцу Лады. *Зимцерла* — слав. божество, функции которого оставались неясными самим мифологистам: одни называли ее богиней весны или лета, другие — богиней цветов, а третьи — богиней утренней зари. У Востокова Зимцерла выступает в последней роли. *Кий* — по слав. миф. — легендарный основатель Киева. *Иверни* — осколки.

П о л и н ь к а.

Написано в марте 1802 г. *Низовски края* — южные окраины России.

К М е л ь п о м е н е.

В Вольное общество было представлено в апреле 1802 г., напечатано в примечаниях к «Опытам лирическим» в качестве образца «первого Асклепиадейского размера». Перевод знаменитой оды Горация (кн. III, ода 30), вызвавшей бесчисленные подражания в древнее и новое время. *Капитолия* (Капитолий) — центральный из семи холмов, на которых был расположен древний Рим, — застроенный храмами и общественными зданиями. *Девы Весталии* — весталки, жрицы Весты — римской богини-покровительницы семейного очага и жертвенного огня. *Авфид* — река в древней Италии, в области Апулии. *Давнус* — легендарный первый царь Апулии. *Эолийский* — греческий.

К Борею в маие.

Написано 1 мая 1802 г. В «Опытах лирических» стихотворение это было напечатано с подзаголовком: «Горацианским размером» *Вулкан* — римский бог огня. «Алтарь Вулкана» — печь, камни. *Гекатомб* — собственно жертва из ста быков у древних; вообще — жертвоприношение.

История и басиь.

В первый раз было напечатано в 1804 г. *Репнин*, Флор Филиппович (1788—1855) — живописец, один из ближайших товарищей Востокова по Академии художеств. *Парийский мрамор* — т. е. Паросский, добывавшийся на острове Паросе в Греческом архипелаге. *Додонская роща* — древнейшее святилище Зевса в Греции; здесь находился храм Зевса с оракулом и священным дубом, шелест листьев которого и журчанье ручья, вытекавшего из-под его корней, были, по верованию древних, голосом бога; отсюда название рощи — «богоглаголивая». *Долина Темпе* — в древней Греции, славилась своим плодородием и живописным расположением. *Гесперидский сад* — см. выше, стр. 139. *Кронион* — одно из прозвищ Зевса. *Ифест*, т. е. Гефест — греческий бог огня и ремесел. *Амвросиальные кудри* — т. е. умащенные амврозией, пахучим веществом, служившим, согласно мифологии, пищей богов, делающей их бессмертными.

Ира или *Гера* — по греч. миф. супруга Зевса, мать и царица остальных богов. «*И ты, о мать утех, сладчайшая богиня, имуща оный чудный пояс*» — Афродита, владевшая чудесным золотым поясом, даровавшим ей красоту и очарование. «*Богиня молодости льет в чаши сладкий нектар*» — греческая богиня вечной юности Геба, разливавшая богам нектар (напиток богов). *Ганимед* — по греч. миф. любимец и виночерпий богов. *Рать Ахейская*—греки. *Град Приамов*—Троя. *Ксанфос* — по греч. миф. конь Ахилла; Ахилл привязывал к хвосту Ксанфоса трупы побежденных им врагов. «*Сократ беседует с друзьями, смерть пия*» — греческий философ Сократ (469—339 до н. э.), осужденный за скептическое отношение к традиционным религиозным верованиям, по приговору судей сам выпил чашу с ядом. *Аристид* (540—467 до н. э.) — греческий полководец и политический деятель, славившийся прямотой, честностью и справедливостью; по проискам соперников он подвергся изгнанию из Афин. *Регул* (ум. в 250 г. до н. э.) — римский полководец и политический деятель. По преданию, взятый в плен карфагенянами и отпущенный ими в Рим с поручением убедить римлян заключить мир, Регул настаивал в сенате на продолжении войны и, верный данному слову, вернулся в Карфаген, где был подвергнут мучительным пыткам и заморен голодом. *Тразеа* — римлянин, прозванный

«воплощенной добродетелью», — в 66 г. был безвинно осужден Нероном на самоубийство и с редким мужеством перерезал себе жилы. *Дамокл* (IV в. до н. э.) — любимец и угодник сиракузского тирана Дионисия Старшего, страдавшего подозрительностью. Однажды Дамокл стал превозносить Дионисия как счастливейшего из людей, а Дионисий в ответ уступил ему свою власть. Некоторое время Дамокл наслаждался богатством и почетом, пока однажды не увидел над своим ложем меч, висевший на лошадином волосе, и не попросил Дионисия отпустить его из дворца. Отсюда выражение «Дамоклов меч», обозначающее близкую опасность при видимом благополучии. *Плутах* (ок. 46—120) — греческий историк, автор жизнеописаний знаменитых людей древности. *Тацит* (ок. 60 — 115) — историк императорского Рима.

К А. Г. Волкову.

В первый раз было напечатано в 1804 г.; в «Опытах лирических» снабжено подзаголовком: «Аклепиадейским размером», *Волков*, Алексей Гаврилович (ум. в 1809 г.) — поэт, член Вольного общества, один из его учредителей. Волков писал преимущественно «*анакреонтические*» стихи (названные так по имени древнегреческого поэта Анакреона), прославлявшие любовь и житейские радости.

К строителям храма познаний.

В первый раз было напечатано в 1804 г. *Невтон* — Ньютон. *Лавуазье* (1743 — 1794) — знаменитый французский химик. *Гальвани* (1737—1798) — итальянский физик. *Франклин* (1706—1790) — североамериканский государственный деятель и ученый. *Лафатер* (1741—1801) — швейцарский писатель-богослов, поэт и ученый.

Откровение музы.

Написано в июне 1804 г. *Лествица* — лестница. *Пеан* — хвалебная песнь в честь богов у древних греков. *Оры* — в греч. миф. богини, олицетворявшие времена года; им также приписывалось значение покровительниц порядка, законности и нравственности. «*Язык тебе не додан смертных*» — Востоков намекает на свое косноязычие.

На смерть воробья.

В первый раз было напечатано в 1806 г. Стихотворение это является, в сущности, не подражанием, а довольно близким переводом шутливой элегии римского поэта Катулла (I в. до н. э.) — «На смерть птенчика», в которой он пародировал возвышенный тон традиционного «поминального плача».

Ода времени.

Написано в октябре 1805 г. *Во сретенье* —

навстречу. *Элизиум* — античный рай. *Истнить* — стереть, свести на-нет. *Катон* (95—46 до н. э.) — римский философ и политический деятель-республиканец, боровшийся с разложением нравов в Риме и покончивший самоубийством после установления монархии. *Ариост* (1474—1533) — итальянский поэт.

Ода счастию

Написано в декабре 1805 г. *Руссо*, Жан-Батист (1670—1741) — французский поэт; его ода «A la Fortune» пользовалась в XVIII веке широкой популярностью и служила образцом «философической» оды. Перевод Востокова был вызван современными политическими событиями, как это видно из его пометы на автографе: «На случай Австерлицкого сражения кампании 1805 года, успехов Бонапартовых» (в битве под Аустерлицем 2 декабря 1805 г. войска Наполеона разбили соединенную русско-австрийскую армию). *Силла*, т. е. Сулла (138—78 до н. э.) — римский полководец и диктатор, боровшийся с демократической партией. *Македонский царь* — Александр Великий. *Варрон* (III в до н. э.) — консул, командовавший римскими войсками во время войны с Карфагеном. Вопреки советам другого консула *Эмилия*, Варрон дал карфагенскому предводителю *Аннибалу* генеральное сражение, в котором потерпел полное поражение. *Тит Флавий Веспасиан*

(41—81) — римский полководец и впоследсвтии император, старавшийся завоевать популярность гуманным управлением. *Клитов убийца* — Александр Македонский (Клит— один из его полководцев, убитый им). *Антоний и Лепид* (I в. до н. э.) — римские консулы, составлявшие триумвират с Каем Юлием Цезарем Октавианом, впоследствии первым римским императором, получившим от Сената прозвище *Август* (т. е. «священный»). *Тиверий* (43 до н. э. — 37 н. э.) — римский император, до воцарения прославился как замечательный полководец. *Варус* — римский консул в германских провинциях, своей грабительской политикой вызвавший восстание германцев, почти поголовно истребивших римские легионы в трехдневной битве в Тевтобургском лесу, после чего Варус покончил самоубийством. *Еней* — Эней. Потомки Энея — римляне. *Пунические стены* — карфагенские. *«И тамо лавры возрастил, где были кипарисы»* — лавры—символ славы, кипарисы — символ вечности и нетления, обычно сажались древними над могилами.

К возлюбленной.

В первый раз было напечатано в 1807 г. *«Антология»* — сборник древнегреческих эпиграмм (мелких стихотворений) разных авторов, по большей части неизвестных, составленный в X веке до н. э.

К зиме

В первый раз было напечатано в 1809 г. *Варяжско море* — старинное название Балтийского моря.

Гимн негодованию.

Первая (не сохранившаяся) редакция этого стихотворения была представлена в Вольное общество в декабре 1810 г.; вторая, окончательная, редакция была читана в Вольном обществе в июне 1812 г. *Адамантовая* — алмазная. *Комуждо* — каждому.

К Гарпократу.

В Вольное общество было представлено в июле 1811 г. В стихотворении этом Востоков говорит о своем косноязычии. *Гарпократ* — греческий бог молчания, немоты.

Надежда.

Написано в 1812 г.

К друзьям.

Написано в 1821 г. Стихотворение это Востоков обычно надписывал на книжке своих стихов, изданной в 1821 г. В письме Н. И. Гречу от 15 апреля 1821 г. он писал: «Стихи, вписанные в ваш экземпляр, сочинены мною во время печатания книги моей и назначены первоначально к помещению в оной вместо предисловия, под заглавием: «К читателям».

Сербские песни.

К какому времени относятся переводы Востокова — в точности неизвестно; большинство песен было переведено вероятно в 1824 г. (всего Востоков перевел девять песен). Все переведенные Востоковым песни взяты им из сборника, составленного знаменитым исследователем сербского народного языка и быта Вуком Стефановичем *Караджичем* (1787—1864); первое издание этого сборника появилось в 1814—1815 гг. Сборник Караджича был восторженно встречен немецкими поэтами. Сербские песни воспринимались и расценивались в Германии в плоскости общего увлечения этнографией, народным творчеством, идеями Гердера и его продолжателей. Упрочению интересов Востокова к славянской поэзии способствовали не только его собственные научные занятия славянской филологией и не только общение с виднейшими славистами Запада, но также и влияние близких ему немецких поэтов, много сделавших для популяризации южно-славянского народного эпоса. В России, в эпоху двадцатых годов, интерес к южному славянству, к его истории, быту и культуре был очень велик (отчасти в связи с широко распространенной панславистской идеей воссоединения славянских племен под русским протекторатом), и переводы Востокова были встречены весьма сочувственно. *Марко-Кралевич* — центральный герой сербского народного

эпоса, сын краля (короля) Вукашина. *Азацкая темница* — по сербским народным песням Азак — заморское «арапское» царство. *Рамена* — плечи. *Прилип* или *Прилеп* — город, где правил краль Вукашин, родина Марко-Кралевича. *Диван* — высшее государственное учреждение в султанской Турции, тайный совет султана. *Солунь* — древнее название греческого города Салоники. *Дойчило* — персонаж сербских народных песен, «названный брат» Марко, — лицо неисторическое. *Мрлявчевичи*, или *Мрнявчевичи* — герои сербского народного эпоса, сыновья Прилепского правителя Мрнява — *Вукашин* (отец Марко-Кралевича) и *Углеш*, убитые в 1371 г. в битве с турками. *Гейко* — якобы третий сын Мрнява, лицо неисторическое. *Рад*, или *Радо* — в образе этого персонажа сербских народных песен отразилась реальная личность зодчего Радо Бойовича. *Асан-Ага* — один из турецких «юнаков» (витязей), воевавший с независимыми сербами («ускоками»); был убит в 1669 г. *Асан-Агиница* — жена Асан-Аги. *Пинторович-Бег* (т. е. бек) — о нем, как о лице историческом, ничего не известно. *Кадий* — духовное лицо у мусульман, исполнявшее также обязанности судьи. *Имош* (Имос) — область в Далмации.

СПИСОК ИЗДАНИЙ СОЧИНЕНИЙ А. Х. ВОСТОКОВА

Стихотворения Востокова издавались три раза:

Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах, А. Востокова. Ч. I, СПб., 1805 и ч. II, СПб., 1806.

Стихотворения Александра Востокова в трех книгах. Издание исправленное и умноженное. СПб., 1821.

Востоков. Стихотворения. Редакция, вступительная статья и примечания Вл. Орлова. «Советский писатель», «Библиотека поэта» (основная серия), Л., 1935.

Почти полный хронологический и библиографический список стихотворений Востокова, составленный В. И. Срезневским, напечатан в книге «Заметки А. Х. Востокова о его жизни», СПб., 1901, стр. 90—110.

Основная работа Востокова по стихо-

ведению — Опыт о русском стихосложении. СПб., 1817.

Автобиографические материалы и письма:

Заметки А. Х. Востокова о его жизни. СПб., 1901.

Переписка А. Х. Востокова. — Сборник II Отделения Академии Наук, т. V, вып. 2-й. СПб., 1873.

Полный список научных работ Востокова по вопросам филологии, составленный И. И. Срезневским, напечатан в книге «Филологические наблюдения А. Х. Востокова». СПб., 1865, стр. LVIII—LXIV.

ВАЖНЕЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА О ВОСТОКОВЕ

Общий очерк жизни и творчества Востокова см. в статье Вл. Орлова «Востоков» — в книге «Стихотворений» Востокова, изд. «Советский писатель», Библиотека поэта» (основная серия), Л., 1935.

Оценка филологических работ Востокова дана в книге акад. И. В. Ягича «История славянской филологии», СПб., 1910, стр. 215—224.

Литература о Востокове до 1900 г. зарегистрирована в «Источниках словаря русских писателей и ученых» С. А. Венгерова — т. I, СПб., 1900.

Литература о работах Востокова по стиховедению частично зарегистрирована в справочнике М. П. Штокмара «Библиография работ по стихосложению», М.. 1933 (см. по указателю).

СОДЕРЖАНИЕ[1]

Стихотворения

[1] Первая цифра (прямым шрифтом) обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

Отпечатано для издательства „Советский писатель" в тип. им. Володарского, Ленинград, Фонтанка, 57, в количестве 1000 экз. Авт. л. $5\frac{1}{2}$. Заказ № 3840. Ленгорлит № 4895 Переплет и титул худ. В. Д. Двораковского. Сдано в набор 10/XI 1935 г. Подписано к печати 19/II 1936 г. Формат 72×110,64 см. Тип. вн. 1 бум. л. 169000. Бум. л. $1\frac{1}{4}$ С. П.—4 Л. Отв. редактор Н. Степанов. Техн. редактор А. Кирнарская. 1936.

Цена 1 р. 25 к. Переплет 75 к.

Издательство просит читателей и библиотеки отзывы об этой книге присылать по адресу: Ленинград; внутри Гостиного двора, помещение № 122, представительства «Советский писатель»

